

Братья Швальнеры

СПЕЦНАЗ ГРУ ПРОТИВ БАСМАЧЕЙ

X-FILES: СЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Братья Швальнеры

**Спецназ ГРУ против
басмачей. X-files: секретные
материалы Советской власти**

«Издательские решения»

Братья Швальнеры

Спецназ ГРУ против басмачей. X-files: секретные материалы Советской власти / Братья Швальнеры — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852291-8

1985 год. Группа советских офицеров из элитного спецподразделения ГРУ по дороге в Афганистан теряется в каспийской пустыне и после авиакатастрофы оказывается... в охваченной огнем Гражданской войны Бухарской Республике в 1920 году. Задача наших ребят — противостоять кровожадным басмачам и отстаивать интересы Родины во что бы то ни стало! Вот только в том ли они, чем учили в школе?..

ISBN 978-5-44-852291-8

© Братья Швальнеры
© Издательские решения

Содержание

Глава первая – о том, что длинный язык, случается, доводит дальше, чем до Киева	6
Глава вторая – о том, как одна боевая задача плавно перетекает в другую	15
Глава третья – о том, что играть всегда нужно по правилам	27
Глава четвертая – о том, как важна дипломатия на войне	33
Глава пятая – о том, что спецназ – это сила!	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Спецназ ГРУ против басмачей X-files: секретные материалы Советской власти

Братья Швальнеры

Светлой памяти любимой бабушки – Тамары Ибрагимовны Жуковой

*«Провести время? Ишь чего захотела! Время не проведешь!»
Льюис Кэрролл, «Алиса в Стране Чудес»*

*«Эмир без родины жалок и ничтожен. Нищий, умерший
на родине, – воистину эмир»
Сейид Алим-хан, последний эмир Бухары*

*Дизайнер обложки Братья Швальнеры
Иллюстратор Братья Швальнеры*

© Братья Швальнеры, 2017
© Братья Швальнеры, дизайн обложки, 2017
© Братья Швальнеры, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-2291-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая – о том, что длинный язык, случается, доводит дальше, чем до Киева

Никита чувствовал себя нехорошо с самого утра. Бывают такие дни – вроде ничего не случилось, а что-то внутри тебя уже не на месте. Дурное предчувствие не оставляет, хотя вроде никаких предпосылок к плохому и скверному нет.

Весь день в университете он не мог собраться с мыслями и, казалось, что-то мешает ему сосредоточиться на учебе. Он списывал это на меняющуюся погоду – в Москву приходила весна, а зима еще никак не желала покидать пределы столицы. Холодная, ветреная погода чередовалась с метелями, а потом отступала под натиском первых, но сильных и уверенных солнечных лучей, обманчиво возвещающих теплые деньки.

Надвигалась защита диплома, и такие перемены в погоде и самочувствии никак не шли на пользу студенту. Появившиеся совершенно некстати подозрения о чрезмерной эмпатичности (подкрепленные, надо сказать, определенными событиями в его жизни), не прибавляли энтузиазма.

После третьей пары, когда стало казаться, что Никиту совсем оставляют жизненные силы, к нему подошел Кирилл Семагин – одноклассник и друг детства. Так сложилось, что они выросли в одном дворе, а потом решили вместе поступать на исторический факультет – пытливые умы обоих юношей манили неразгаданные тайны истории, навеваемый ею флер и желание открыть нечто новое там, где, казалось бы, все давным-давно открыто.

– Ты жив, старик?

– Еле-еле.

– Что с тобой такое?

– Не знаю, погода, наверное, меняется.

– Рановато тебе еще метеозависимым становиться.

– Как видно, самое время...

Юноша улыбнулся – не только шутка товарища подняла ему настроение, но и входящее СМС от Инги, его девушки. Она писала, что после этой пары заедет за ним и они вместе отправятся на прогулку. Хотя погода и не вполне располагала к променаду, а все же столь заманчивая компания не позволяла отклонить предложение.

– Слушай, мне нужна твоя помощь.

– Чем могу?

– У тебя сохранились материалы по Тамбовскому восстанию?

Никита поежился – воспоминания, связанные с этим историческим событием, были хоть и положительные в итоге, но не самые приятные в частности. Еще бы, когда ты вдруг ни с того ни с сего переносишься на 100 лет назад и принимаешь участие в подавлении восстания рука об руку с маршалом Тухачевским, потом становишься объектом охоты спецслужб, потому что являешься носителем государственной тайны, а потом еще никому не можешь об этом рассказать, чтобы тебя ненароком не приняли за сумасшедшего – согласись, есть поводы чувствовать себя не в своей тарелке.¹

– Конечно, а зачем тебе?

– Статью хочу написать. Понимаешь, у меня для диплома публикаций не хватает. Тема неважна, а руководитель требует количество. Вот решил попросить у тебя какие-нибудь заготовки. Как-никак, кто поможет, если не друг детства?

¹ Подробно о событии рассказано в романе бр. Швальнеров «Тухачевский против зомби: Невымысленная история Тамбовского восстания» (Екб, Ridero, 2017 г.).

У Никиты действительно полно было материала по теме, даже и не связанного с секретами применения маршалом Тухачевским химического оружия – сама по себе тема была очень интересная, и юноша решил сохранить наработанный в архивах материал для потомков.

– Какие вопросы? Поедем после пары сразу ко мне, я тебе все и отдам!

– Заметано!

Следующая пара пролетела незаметно – мыслями Никита был уже на свидании с Ингой, и сама погода, казалось, даже стала незаметно улучшаться. Совсем незаметно для окружающих и очень заметно для Никиты. Полтора часа спустя они с Кириллом выходили из здания университета на парковку, где уже стояла машина Инги, как вдруг Кирилл остановился на ступенях и уткнулся в телефон.

– Блин, сорри, старик, не смогу поехать.

– А что случилось?

– Мама пишет, что срочно надо приехать домой. Потоп у них там или еще что-то вроде того, короче, без моих рук никак не обойтись.

– Ну так давай мы тебя подбросим?

– Нет, сейчас самый час пик, на метро короче будет.

Кирилл был прав – он жил недалеко, и по зеленой ветке метро до его дома было от силы минут 20 ходу. В такую пору застрять в центре Москвы в пробке было проще простого, потому Никита согласился с его логикой.

– Тогда сегодня же вечером пришлю тебе все по электронке.

– Договорились.

Друзья попрощались, и разошлись по разным сторонам – Никита побежал к машине возлюбленной, а Кирилл – в сторону станции метро «Маяковская», неподалеку отсюда.

Вечер с любимой протекал хоть и по обычному сценарию – кафе, кино, прогулка под луной, – а все же был куда более занятным, чем вечер, потраченный на науку при всей ее привлекательности. Никита перешагнул порог дома около половины десятого. Когда ключ повернулся в замке, что-то внутри его сердца ёкнуло – он понял, что что-то случилось...

Взрыв на станции метро «Маяковская» произошел в 18.15 – как раз тогда, когда Кирилл, по подсчетам Никиты, должен был спуститься к поезду. По телевизору говорили пока о 9 погибших, но не называли их имен – что за предательская напасть молчать о личностях жертв, непонятно для чего щадя психику зрителей, у каждого из которых в такое время в метро почти наверняка мог оказаться родственник или знакомый?! Никита слушал сообщение не раздеваясь и застывши перед телевизором.

– Что с тобой? – спросила мать.

– Кирилл...

– Что – Кирилл?

– Он поехал на метро, а мы с Ингой предлагали довезти его. Как раз в то время...

– Господи... – думать о плохом не хотелось, но мать произвольно присела в кресло как подкошенная. Самые страшные мысли поневоле посещают слабых от природы людей в такую минуту.

– Я туда.

Никита опрометью бросился к двери. Мать не стала его останавливать – на ее глазах выросли двое ребятишек, и она отлично понимала цену их дружбы.

Спустя сорок минут невероятной толчеи в метро и на лице близ входа на станцию Никита Савонин наконец оказался у дверей «Маяковский». Из дверей входа в станцию метро валил дым. Народ уже эвакуировали, но, казалось, никто никуда не ушел, а все только обступили место взрыва и топчутся здесь зачем-то. Вход в метро был оцеплен плотным кольцом полицейских. Тут же поодаль, стояло несколько карет «скорой помощи», из раскрытых две-

рей которых торчали в лучшем случае чьи-то ноги, а в худшем – виднелись следы черных полиэтиленовых пакетов. «И почему их не увозят?!» – мелькнуло в голове Никиты. Позже выяснилось, что кареты ожидали, пока сотрудники ДПС расчистят дорогу от места взрыва, чтобы обеспечить им беспрепятственный проезд.

То там, то сям сновали журналисты с камерами, какие-то плачущие люди, полицейские, грудью защищавшие проход к тонким ленточкам, отгородившим место происшествия от постороннего вмешательства – так, словно там все еще было что-то опасное или стратегически важное для государства. Никита метался в огромном людском столпотворении не зная, у кого и что ему спросить. Какой-то человек в штатском с бумагами, похожий на следователя, очевидно допрашивал свидетелей недалеко от заградительной ленты – к нему можно было пробиться. Никита это и сделал.

– Извините, товарищ...

– Вы меня?

– Да, Вы – следователь?

– Допустим. Вы что-то хотите сообщить?

– Нет, я хочу узнать имя... У меня друг там был... Хочу узнать, нет ли его в списке погибших?

– Фамилия?

– Семагин.

Человек пролистал несколько бумаг и, не обнаружив искомой фамилии, дежурно бросил это Никите. Он поначалу обрадовался – не мертв, значит, жив, а потом студента вдруг охватила паника. Во-первых, данные могли быть неточными или неполными – с момента взрыва прошло всего около 4 часов, а во-вторых, если жив, то где его искать? Да и потом – а вдруг при взрыве пострадали документы, и его еще не смогли опознать?

Тьма опустила на столицу, а Никитой овладела паника. Он бросался то к одной кучке людей, то к другой, но нигде не мог отыскать Кирилла. Фонари освещали площадку перед входом на станцию тускло, и вскоре в руках у полицейских стали появляться фонари – народу кругом не уменьшалось, а лиц практически разобрать уже было невозможно. Отчаявшись отыскать Кирилла в толпе и столкнувшись с сотой, наверное, попыткой дозвониться на его телефон, не увенчавшейся успехом, Никита закричал что есть мочи, привлекая к себе всеобщее внимание:

– Кирилл!!!

– Я здесь... – донеслось откуда-то еле слышно. Источник шума найти было невозможно, и Никита снова заорал, уже громче:

– Кирилл! Ты где?!

– Никита! Я здесь, в «скорой»!

Теперь уже было понятно – голос его. Он жив. Никита ринулся сквозь толпу к машине «скорой помощи». В раскрытых дверях увидел полусидящего на каталке Кирилла с перевязанной головой и всего испачканного.

– Ты как, старик?

– Как видишь, в метре от эпицентра.

– Ну ты даешь!. Я обыскался тебя...

– Как всегда завидное чутье на неприятности и столь же завидное умение из них вылезать...

– Сплюнь!

– Тьфу...

– Шутник. Что у тебя, сказали уже?

– Кажется, легкое сотрясение. Но ничего, жить буду. Слушай, ты там матери объясни все как-нибудь аккуратненько, ладно? Меня наверное к утру отпустят.

– Все. Поехали, – врач стал закрывать дверцу машины перед лицом Никиты.

– А куда? Куда его?

– В «Склиф» пока, сейчас туда всех везут, оттуда по больницам. Ну или по домам.

Никита решил не ехать следом в Институт скорой помощи, а утром узнать о судьбе товарища – сейчас важнее было успокоить его мать, которая уже несколько часов не могла найти сына и, понятное дело, места себе тоже. С трудом вырвавшись из все еще царившей здесь давки, Никита поймал такси – метро уже не ходило – и отправился к матери одноклассника. Еще полтора часа у него ушло на то, чтобы привести ее хотя бы в относительное душевное равновесие, после чего только он смог со спокойной совестью, но уставшим телом отправиться восвояси.

Дома было тихо. Мать не спала, с кухни в коридор сочилась полоска света. Никита разделся и, помыв руки, прошел на кухню – есть хотелось зверски.

– Наконец-то. Нашел? – глаза матери были опухшими. Как видно, трагедия не оставила ее равнодушной.

– Нашел.

– Живой?

– Живой, в «Склиф» увезли с сотрясом. Утром, надо полагать, будет дома.

– Ну слава Богу.

– А с тобой что такое?

– Да, ерунда, не обращай внимания.

– И все же.

Мать опустила заплаканные глаза:

– Показали фото подозреваемого.

– И что?

– Это Ахмед, друг Валеры.

Отец Никиты полгода назад ушел из семьи. Такое часто случается – кризис среднего возраста, последнее желание мужчины ощутить себя молодым и свободным. Никита был достаточно взрослым, что понять все, что творилось с отцом, не осуждая поведения последнего. Они продолжали общение, правда, в присутствии матери молодой человек старался обходить неудобных разговор и избегать «скользких» тем.

Он знал, что отец в 1985-ом, еще до его рождения, служил в Афгане, где в одном полку с ним служил не то турок, не то узбек, с кем они сохранили дружеские отношения на долгие годы – его звали Ахмед. Общение их прервалось лет 5 или 7 назад, когда Ахмед, после своей командировки в одну из стран Ближнего Востока, не просто принял радикальный ислам, а еще и стал членом какой-то – Никита толком не знал, какой, – запрещенной организации ваххабитского толка.

– Ничего удивительного. Этого следовало ожидать, – скептически бросил Никита.

– Но он не мог!

– Много ты понимаешь, кто что может, а кто что не может. Он член террористической организации, а они, как известно, могут если не все, то очень многое.

– Послушай себя, человек XXI века. Развешиваешь ярлыки, толком ничего не зная. Слышал звон, а не знаешь, где он. Постыдился бы. Еще образованный! Садись есть!

Никита бы поспорил с матерью, окажись они при других обстоятельствах – сегодня он чересчур устал, чтобы вступать с ней в околонучные пререкания, а потому, наскоро перекусив, отправился к себе в комнату и вырубился без задних ног.

Спал он чутко, снились кошмары. Проснулся в 4 утра, чтобы попить воды, когда, проходя по коридору мимо кухни, снова увидел бьющий оттуда свет и услышал голоса – мужской и женский. Тихонько приоткрыл дверь. Открывшаяся его взору картина обескуражила его настолько, что он предпочел бы думать, что спит. Мать сидела за столом, а напротив

нее сидел и пил чай темный взрослый человек с длинной бородой. Никита видел Ахмеда несколько раз еще в глубоком детстве, но лицо его было столь запоминающимся, что он спорить был готов – перед ним сейчас находится бывший сослуживец его отца.

– Дядя Ахмед?

– Здравствуй, Никита.

– Вы как здесь?

Мать, зная крутой нрав сына, поспешила как-то уговорить его:

– Послушай, он тут ни причем. Они объявляют в розыск сейчас всех членов запрещенных организаций. А к взрыву Ахмед не имеет никакого отношения...

– Не надо, Яна, – тихим, ровным голосом сказал Ахмед. – Оставь нас, я сам все объясню.

Мать тихо вышла из комнаты. Никита уселся на ее место и стал внимательно рассматривать ночного гостя.

– Я действительно не причастен к теракту. Твоя мама сказала правду.

– А кто тогда?

– Теракт совершил смертник, это слепому ясно. Уже завтра, когда разгребут завалы до конца, все станет ясно, и обвинения с меня снимут. А пока мне нужно спрятаться где-то, где меня с наименьшей вероятностью могут искать, потому я и пришел к вам.

– Зачем же им обвинять Вас, когда ничего толком не известно?

– Подобные события всегда используются клерикальной властью для борьбы с исламскими уммами и течениями. Нашу организацию давно хотят закрыть, но никак не могут. Вот решили – не было бы счастья, да несчастье помогло.

Ахмед говорил очень грамотно и без малейшего акцента – еще в советские времена он окончил МГИМО, и потом много лет находился на дипломатической работе. После развала Союза, как многие, занялся бизнесом. А потом вот...

– А Ваша организация? Она тоже, хотите сказать, к взрыву непричастна?

– Именно это я и хочу сказать. Не все мусульмане – террористы. Напротив, ислам – религия добра и любви. А отщепенцев и уродов хватает в любой религии, как и в любом народе.

– Это да...

– А ты, я вижу, достаточно категорично относишься к исламскому терроризму?

– К терроризму вообще. Ему нет оправдания.

– Знаешь, Руссо говорил, что гнев – признак слабости.

– Не следует ли из этого, что надо оправдывать тех, кто взрывает и отрезает головы, отталкиваясь только от их слабости? – язвительно заметил юноша.

– Нет. Из этого следует только то, что они хотят быть услышанными, но их не слушают. Почему? Слушают всех, кроме представителей ваххабизма. Клоунов от политики, ряженых, откровенных идиотов – всех. А нас нет. Почему? Даже ваш министр иностранных дел не видит ничего лучше, как назвать нас дебилами в прямом эфире на весь мир, а потом колко отшучиваться.

– И что же вы хотите сказать? Вот так, просто, без закидонов.

– Только то, чтобы нам разрешили жить в своем мире и по своим законам. Без постороннего вмешательства.

– Надо же. 25 лет назад в Афганистане вы придерживались другого мнения.

– Тогда я никакого мнения не придерживался. Никто из нас не придерживался никакого и ничьего мнения, за нас думали партия и комсомол. Если бы мы тогда обладали знанием в той мере, в какой обладает человечество сейчас, – поверь, ничего этого не было бы.

– Вы считаете, что вторжение в Афганистан было актом вмешательства?

– Варварского и недопустимого.

– А как же слова директора ЦРУ Кейси о том, что США по сути спровоцировали конфликт? Подтолкнули Советы к тому, чтобы те ввязались в активную фазу боевых действий?

– А те, конечно, не могли не ответить на провокацию? Ты считаешь, что международная политика – это то же, что детский сад, где дергают друг друга за косички, а после бьют книжками по голове?

– Так делают в школе.

– Вот видишь. Ты все прекрасно понимаешь. Не провокация ЦРУ вынудила Устинова ввести войска в Афганистан, а неумный шовинизм. Желание схватить как можно больше территории и тем самым расширить влияние на Ближнем Востоке. Ну, допустим, там бы осталась зона влияния США. Что от этого бы изменилось, даже разместить там они свои боеголовки? Началась бы мировая война? Нет? В отсутствие там советских мощностей Союз сильно потерпел бы в экономическом отношении? Да чего смеяться – там кроме мака отродясь ничего не росло! Так зачем спрашивается? Шовинизм, шовинизм обеих держав.

– Значит, Штаты Вы все-таки не осуждаете?

– Почему, осуждаю. В том, что сейчас происходит с их легкой руки в Сирии, а некоторое время назад творилось в Ливии и Ираке – только их вина. Появление «ИГИЛ»² – есть следствие их «миротворческой» деятельности, от которой в итоге они сами и пострадали. Но сама идея превратить Ближний Восток в театр военных действий целиком и полностью принадлежит Брежневу и его клике. Открытого военного вмешательства США в действия моджахедов в Афганистане не зафиксировано...

– Пфф...

– И все-таки! Не зафиксировано, а потому виноват Брежнев, Устинов, кто угодно – но из числа членов Политбюро.

– Вы назвали их моджахедами. Так же называли себя басмачи во время советской интервенции в Средней Азии. Не хотите ли Вы сказать..?

– Именно. Там произошло то же самое. Знаешь, был фильм такой в начале 1970-х, назывался «Конец черного консула». Изображал Гражданскую войну в Средней Азии. Ну такие, знаешь, лубочные фильмы – детище советской пропаганды. Вот там старейшина из Бухары бросает в лицо эмиру обвинение типа «Ты издеваешься над своим народом!» После 1990 года не могу без смеха смотреть это кино – он еще не знает, какие издевательства его ждут после 1920 года! Если говорить строго, феодально – сословный строй, представителями которого были басмачи, и с которым так рьяно боролась Советская власть в 1920-е годы, существовал в Средней Азии, включая Узбекистан, всегда – даже после ее прихода. «Хлопковое дело» и самоубийство Рашидова в 1983 году пролили свет на действительное положение вещей в среднеазиатских республиках без купюр. Так значит, не с этим и не ради установления идеи всеобщего равенства устроила Советская власть бойню в Бухаре в 1920 году, разрушив эффективное и социальное государство и построив черт знает что! А ради чего? Только ради расширения собственных границ. Все тот же самый пресловутый шовинизм.

– Зачем это было нужно Ленину? Брежневу в обстановке холодной войны – еще понятно, а здесь-то?

– Ты же историк. Государство было не признано, находилось в тисках международной изоляции, повсюду было обложено экономическими санкциями. В таких условиях прирост столь благодатной земли как Узбекистан решал многие экономические проблемы. Ленина как раз понять проще, чем Брежнева, рассматривавшего международные отношения как инструмент удовлетворения собственных личностных амбиций. Хотя, по большому счету,

² Экстремистская организация, запрещена на территории РФ

именно Ленин заложил основу афганской войны. Если бы тогда СССР не укрепился в Узбекистане, черта лысого они бы туда нос сунули в 79-ом...

– Но ведь и в Афганистане, и в Бухаре было много сочувствующих. Те же самые «шурави» например...

Ахмед улыбнулся:

– Ты знаешь историю лучше меня. Во времена гитлеровской оккупации тоже было много сочувствующих. И в России тоже.

Никита отвел глаза. Хоть он и понимал, что Ахмед не имеет отношения ко взрыву, разделить исповедуемые им позиции о международном терроризме он не мог. Ахмед почувствовал настроение юноши.

– Я вижу, мои слова не удовлетворили тебя. Вот, выпей.

Он плеснул ему из фляжки и протянул бокал. Никита очень устал, день порядком вымотал его – неудивительно, столько событий, и потому счел, что немного спиртного ему не повредит, и отхлебнул без задней мысли. Мысль пришла позже. «Твою мать! Договорился!»

Стены содрогнулись. Основания потолка зашатались, сверху посыпалась какая-то пыль. Свет стал моргать. Никита начал понимать, что к чему, и взволнованно смотрел на Ахмеда – его собеседник сохранял удивительное спокойствие. Стены дрожали все сильнее, свет стал синим, потом зеленым. Никита впал в панику, хотя уже давно все понял.

– Что?! Что происходит?! – кричал он, но грохот от обрушающихся стен заглушал его голос...

Очнулся он в ущелье. В скале была выбита пещера, в которой он сейчас находился в компании нескольких человек, одетых в белые халаты, бронежилеты и круглые шапки – такие носили воины Ахмад-Шаха Масуда. Посередине пещеры был разведен костер. Солдаты говорили то по-афгански, то по-узбекски. Рядом с каждым лежал АК-47.

Никита оторвал тяжелую голову от каменного пола и осмотрелся – он был одет, как и остальные. Дядя Ахмед сидел рядом и пил чай из пиалы. В голове Никиты был только один вопрос, который он сразу же и озвучил:

– Какой год?

– 1985-й.

– Это Афган?

– Точно. Панжерское ущелье.

– Зачем мы здесь?

– Чтобы ответить на некоторые твои вопросы.

– В таком случае – начинайте, я жду.

Ахмед ухмыльнулся:

– Изволь. Как ты считаешь, отвечает ли целям гуманизма убить одного человека, чтобы сохранить жизнь многим?

– Еще как.

– Значит, ты согласишься с тем, что мы должны сбить самолет, в котором сейчас летит твой отец. Он летит в составе группы спецназовцев ГРУ с целью выполнить спецоперацию по ликвидации нескольких селений и скрывающегося здесь Ахмад-Шаха Масуда. Ну и при возможности – Хекматияра.

– Последнего убить одно удовольствие. А, если серьезно, то если убить отца сейчас, то как же я появлюсь на свет?

– Это свершившийся факт. Ты уже появился. Просто у тебя будет возможность... кхм... как бы это помягче сказать, опровергнуть утверждение Сталина и выбрать себе родителей...

– Ерунда какая-то. Верните меня домой...

Никита понимал, что снова попал в историко – временной переплет – второй раз в своей жизни, и пока это не доставляло ему особого удовольствия. Ахмед не успел ответить ему – на пороге появилось еще несколько солдат с гранатометами в руках.

Ахмед начал разговаривать с ними на родном узбекском языке:

– Qachondan ketdi?

– Gapini maqsadida, vertolyot yaqinlashib.

– Bu tarkibi SWAT narsa o'zgardi? Exploration xabar emas?

– Yo'q, modomiki, barcha bir xil deb.

– Excellent, biz rivojlanmoqda.³

– Что он говорит? – спросил Никита.

– Пойдем.

Группа во главе с Ахмедом и плетущимся позади Никитой двинулась глубже в горы. Несколько десятков метров по узкому и витиеватому ущелью, которое эти люди, казалось, родившиеся и прожившие здесь всю жизнь, знали как свои пять пальцев – и вот они в некоем дзоте, из которого отлично просматривается ВПП аэропорта Баграма. Вот у самого начала горного хребта виден самолет-фотограф, он снижается. Солдат вскидывает пушку и, прицелившись, бьет прямо в борт, от которого как лишняя деталь отлетает турбина одного из двигателей. Следом сам борт бьется о скалы и кусками летит вниз. Никита бросается туда.

– Куда?! – кричит ему Ахмед, и бежит за ним.

Он насилу достигает его у самого подножья хребта, где вразброс лежат тела раненых советских солдат.

– И все-таки это неправильно. Мы вмешиваемся сейчас в историю, нарушаем естественный ход событий.

– Смерть десятков и сотен для тебя – естественный ход событий? Рассуждаешь как Дарвин, только уже не актуально. Если ты забыл, то я сообщу тебе, что на дворе 1985 год, и миром правят идеи гуманизма и человечности.

– Из идей гуманизма вы только что сбили самолет?

– Из идей спасения жизней своих соплеменников. Своя рубашка ближе к телу, как говорят у вас. Дарвин был того же мнения.

– Мы тут давеча говорили... Вы всерьез считаете, что если бы Гражданская война в 1920-ом не присоединила бы к Союзу Бухару, все могло быть иначе?

– Именно.

Ахмед снова прочитал в глазах юноши неверие. Никита отвернулся, пошел к раненым, а Ахмед пулей метнулся к его рюкзаку, брошенному поодаль – там лежала фляжка с питьевой водой, которую провожатый ловко подменил на свою.

Никита обошел экипаж – у всех были тяжелые ранения, но все были живы. Он достал из рюкзака фляжку и стал маленькими глотками поить бессознательных солдат. Ахмед с ужасом взглянул на происходящее и хотел было остановить его, но вдруг увидел, что Никита и сам пьет большими глотками принесенную с собой жидкость. Вскоре юноша и сам бессознательно, пластом свалился рядом с жертвами крушения вертолета.

Очнулся он от яркого солнечного света, бившего прямо в глаза. Поднявшись и оглядевшись, он обнаружил, что лежит на песке посреди восточного базара, на улице пекло, недалеко от него арык, и виден осколок древней стены невдалеке от центра этого старинного красивого азиатского города. Рядом с ним стоял Ахмед. Он улыбался и протягивал ему руку.

– А... – хотел было спросить Никита, но спутник предвосхитил его вопрос.

– Мар хабат, Никита-джан, Бухара, год 1920-й...

³ – Как сходили? -Все в порядке, вертолет приближается. -По составу спецназа ничего не изменилось? Разведка ничего не сообщала? -Нет, пока все те же. -Отлично, выдвигаемся. (узб.)

После этих слов юноше захотелось снова лечь на песок, уснуть, только больше уже не просыпаться.

«Ну и хобби у меня, – пронеслось в голове у Никиты. – Кто марки собирает, кто пивается по выходным, кто режется в доту, а я по времени путешествую... Пора завязывать...»

Внутри юноши вновь поселилось уже знакомое ему чувство азарта, приключений – и он поймал себя на мысли о том, что именно от этого-то чувства ему и надо избавиться в первую очередь, потому что оно – вкупе с длинным языком – и заводит его в разные места планеты с завидным постоянством.

Глава вторая – о том, как одна боевая задача плавно перетекает в другую

10 марта 1985 года, Москва

Весна в Москву в этот год приходит не торопясь. И хотя потепление все же наблюдалось, а капель звонко летела с крыш на не до конца растаявшую наледь под ногами, то и дело поднимавшиеся метели словно бы заявляли о правах зимы. Ночи были дьявольски холодны – даже зимой, кажется, не было таких заморозков. Все это в совокупности не давало почувствовать прихода весеннего времени года. И главное – весны еще не было в воздухе, ею не пахло в прямом и переносном смысле.

Начальник ГРУ генерал армии Петр Иванович Ивашутин отошел от окна своего кабинета и продолжил разговор с полковником Князевым, вызванным по экстренному случаю с базы спецназа в Раменском.

– Война значительно затянулась, – говорил генерал. – Вместо ожидаемой длительности в год-два боевые действия продолжаются уже 6 лет. Наша разведка постоянно собирает сведения о причинах столь ожесточенного сопротивления сил противника. И, согласно последним полученным данным, обеспечение оружием и продовольствием наши оппоненты получают из Пакистана по отдельным коридорам, образованным непосредственно в приграничных зонах. Наша задача, поставленная руководством, звучит следующим образом – пресечь взаимодействие моджахедов с пакистанскими боевиками и обмен продовольствием и оружием. Для этого необходимо разместить несколько регулярных частей специального назначения непосредственно возле границы ДРА и Пакистана. Но для того, чтобы знать конкретную численность войск, потребность территории в нашем военном вмешательстве, необходимо провести тщательную проработку местности. Для этого уже завтра Ваша группа, товарищ полковник, должна вылететь вот сюда, в район Баграма, где в Панжерском ущелье, – генерал подошел к висевшей на стене в кабинете карте Афганистана, – прячутся пакистанские ходоки и скрывается значительная часть переданных ими припасов. На месте им предстоит проведением нескольких разведывательных операций уничтожить запасы моджахедов, после чего переместиться на 25 км южнее, в район Джелалабада, где и планируется выставлять специальную зону заграждения. На месте необходимо провести разведку с целью определения маршрутов следования пакистанских караванов, периодичности разморозки коридоров и объемов поставок, для чего аккумулировать сведения от местного населения и боевых разведывательных групп наших регулярных частей, размещенных в приграничной зоне. После чего группа должна будет вернуться в Москву и уже на основании полученной от нее информации командование примет решение о дополнительном вводе войск. Задача понятна?

Генерал Петр Иванович Ивашутин. Министр обороны Польши Чеслав Кищак так отозвался о нем: «Голова у него работала отлично. Иногда удавалось перевести разговор на тему Афганистана, и он начинал оперировать фамилиями вождей племён, различиями между ними, кто на ком женат, чья дочь за какого вождя была выдана. Я несколько раз это проверял. Был случай, когда спровоцированный Ярузельским Ивашутин начал сыпать тактико-техническими данными крылатых ракет. Я записал, а потом проверил. Всё полностью сошлось... Он был сообразительным, способным, инициативным и очень уверенным в себе, хорошо знал себе цену»

– Так точно, товарищ генерал. Вот только о какой группе Вы говорите?

Карта в кабинете П. И. Ивашутина

– Группа должна быть мощная, собранная из специалистов по тому региону, желательно, уже имевших боевые командировки. Насколько я помню, группа лейтенанта Савонина уже вылетала в тот район?

– Да, Панжерское ущелье ему знакомо.

– Ну вот и замечательно. Пусть собирает боевой расчет и готовится к вылету.

– В Баграме к их встрече готовы?

– В том-то и дело, что, если там будут готовы к их встрече, то и караванщики, засевшие в ущелье, тоже будут к этому готовы. Их визит должен стать полной неожиданностью. Но ему об этом не говорите – чтобы лишний раз не подорвать боевой дух.

– Разрешите вопрос, товарищ генерал?

– Разрешаю.

– Каким образом караванщикам удастся преодолевать такие огромные расстояния от границы до Панжерского ущелья? Там ведь кругом стоят наши кордоны...

– Вот это группа Савонина и должна будет выяснить. Подготовку к высадке ведите в условиях строжайшей секретности. О ходе операции докладывайте лично мне. Все. Свободны.

Приехав на базу спецназа в Раменском, полковник Князев вызвал лейтенанта Савонина и долго инструктировал его по поводу готовящегося боевого вылета.

– Ты все понял?

– Так точно, товарищ полковник.

– Состав группы когда утвердишь?

– Да я думаю, он останется без изменений.

– Точно никого не хочешь пригласить? Может, какого-нибудь дополнительного специалиста по Афганистану нужно дать в твое распоряжение?

– Думаю, это лишнее. Опыта у нас достаточно, боевые вылеты были. Зачем нам не до конца проверенные люди?

– Тоже верно. Ладно, распускай ребят, а завтра в половине шестого чтобы все были на базе. Отсюда выезжаем в Жуковский, а оттуда напрямик вылетаете в Баграм. Оружие сдать сегодня на допроверку. Получите завтра с новыми боекомплектами.

– Есть.

– Ну вроде все. Я надеюсь на тебя и уверен, что с боевой задачей ты справишься в лучшем виде. А у меня завтра предстоит на месте очень уж ответственное мероприятие...

– Что за...? – достаточно доверительные отношения Савонина с Князевым позволяли им не всегда придерживаться субординации при разговоре.

– Пленум. Нового Генерального будут выбирать.

Несколько дней назад скончался Генеральный секретарь ЦК КПСС Константин Устинович Черненко. Будучи уже смертельно больным в момент избрания, весь тот неполный год, что он находился у власти, толком он и не правил. Почти весь свой срок провел он в больнице, и вот сейчас наступила развязка. В Москве все только и говорили что о новой кандидатуре – и хотя она была примерно понятна, слухи и толки не умолкали. Еще бы – новый Генсек был моложе всех своих предшественников, и потому его приход обещал давно назревшие в обществе демократические перемены. Вот только у лучшему ли они будут – пока никто не знал.

– А кто?

Полковник осмотрелся – и в его кабинете на сверххраняемой и закрытой базе могли быть уши.

– Горбачев.

– Так я и думал.

Действительно, кандидатура бывшего первого секретаря Ставропольского крайкома КПСС была самой обсуждаемой на пост первого человека в государстве. Он внушал доверие людям, давно появлялся на публике, пользовался определенной популярностью и среди партийного аппарата.

– Может, хоть этот до смерти править не будет, – вполголоса посмеялся Князев.

– Давно пора что-то менять, товарищ полковник, – серьезно, но тоже негромко произнес Савонин.

– Ладно, меняльщик, иди. Доводи своим боевую задачу и распускай по домам.

По графику у группы Савонина сейчас были тренировки – самостоятельные занятия по физподготовке. Подойдя к инструктору в спортзале, лейтенант велел прервать занятие, всех привести в боевую готовность и собрать в актовом зале через час. Этого времени хватило, чтобы бойцы успели принять душ, экипироваться и прибыть к месту собрания.

– Товарищи бойцы! Ставлю боевую задачу. Завтра в половине шестого мы отбываем в полном составе группы на аэродром «Жуковский», откуда совершаем боевой вылет в Баграм, ДРА. Там нам предстоит собрать сведения о пакистанских караванщиках, которые, в обход наших кордонов, доставляют моджахедам оружие и продовольствие. Данные сведения носят стратегический характер и необходимы командованию для принятия дальнейших тактических решений по ведению боевых действий в Афганистане. Задача поставлена лично товарищем Ивашутиным. В расчете вся группа под моим руководством. Сбор завтра на базе, сейчас все могут быть свободны. Вопросы?

– Разрешите? – Коля Козлов, самый молодой из группы, отличный боевой и политической подготовки и вообще один из самых примерных бойцов, поднял руку, чем вызвал удивление боевого командира.

– Давай.

– Скажите пожалуйста, товарищ лейтенант, а каким образом караванщикам удастся миновать наши регулярные части?

– Вот это мы и должны выяснить. Еще вопросы? Разойдись.

Бойцы покинули территорию части около трех часов пополудни. Сам Савонин – на час позже. Он не спеша дошел до вокзала – до Москвы он мог добраться только на электричке, купил билет на ближайший поезд, который ходил регулярно, с интервалом в час, покурил, выпил пару стаканов минералки с сиропом – уж больно вкусную ее здесь разливали – и, впрыгнув в последний вагон, отправился в столицу. В пути он думал только об одном... Беспokoила его не сама по себе командировка – он был не новичком в горах Афганистана. Дома он оставлял молодую жену... Месяц назад они поженились и еще не успели толком нарадоваться внезапно свалившемуся на них семейному счастью, как вдруг этот вылет... Нет, Яна конечно все поймет и будет ждать его возвращения – она ведь уже ждала его, пока они были помолвлены, и он совершал первую боевую командировку. Причем, тогда это было не в пример для нее тяжелее – никто ничего толком не знал, он еще проходил срочную службу, война только-только начиналась, и сопротивление моджахедов было ожесточенным, не то, что сейчас, на 6 году войны, когда все порядком подустали. Но и она ведь тогда еще не была его женой...

Как она отнесется, поймет ли, не сочтет ли это началом конца отношений? – вот какие вопросы мучали юного лейтенанта в пути. Да видать мучали так, что путь до Москвы, составлявший более часа, показался ему минутным. Вот он уже стоит возле двери своей квартиры – новенькой, полученной от командования две недели назад, в которой они и ремонт-то еще не успели закончить, отчего даже совестно пока приглашать сюда гостей. Стоит и думает – нажимать или на дверной звонок... Дилемма решается сама – специфика юной влюбленности состоит в том, что, кажется, можно читать мысли друг друга. Дверь открылась и на пороге стояла Яна.

– Ты как догадалась? – улыбнулся Валерий, протягивая молодой жене букет.

– Не знаю, услышала шаги, – улыбнулась и Яна, обнимая мужа.

Он приподнял ее за талию и внес в квартиру на руках...

«В СССР секса нет», – такое распространенное выражение стало некоторым противовесом западному разложению, о котором, несмотря на все еще плотно опущенный железный занавес, советские люди знали по переводным книгам и фильмам. Тридцать лет спустя будут говорить «наши духовные скрепы» и «бездуховный Запад» – примерно такие же понятия – антагонисты. А главное их сходство – в их ханжестве. Был секс в СССР, много бездуховности будет в этой стране спустя многие годы. Дело ведь не в сексе, а в том, какой оттенок он носит – если он по любви и является выражением чувств, то какой в нем грех? Хуже если наоборот...

Между молодыми супругами все было по любви. По взаимной, горячей, открытой, нежной и притягательной. Они могли предаваться плотским утехам денно и ночью, не ощущая никакой усталости и теряя счет времени – прав поэт, «счастливые часов не наблюдают». И оттого горше и печальнее был разговор о скором расставании для Валерия. Он повернул голову на Яну и взглянул на нее так, как будто хотел сказать что-то важное. Она это почувствовала.

– Что случилось?

– Ничего, – он встал с кровати и пошел на кухню, чтобы сварить любимый молодой женой кофе. Он все еще оттягивал минуту разговора, забывая старую мудрую истину: «Перед смертью не надыхаешься».

Вечером в гости пришли ее родители. Момент был не совсем удачный, но тянуть было некуда. Выпив для храбрости, Валерий все же решился на разговор.

– Я должен тебе что-то сказать, – взяв руку жены в свою, он посмотрел ей в глаза. Сердце ее заколотилось как бешеное – она еще днем почувствовала, что что-то не так, и супруг о чем-то молчит. Родители жены тоже изрядно заволновались.

– Говори?

– Обещай, что воспримешь все спокойно и не будешь волноваться...

– Я постараюсь.

– У меня боевая командировка.

– Опять? Туда?

– Да, – опустил глаза молодой глава семьи. Все присутствующие за столом тяжело вздохнули. В воздухе повисло напряженное молчание, нарушить которое решился отец Яны. Старый человек, советской закалки, в прошлом тоже военный – наверное, имея такой пример перед глазами, его дочь и выбрала себе в мужа военнослужащего.

– Ну что ж, командировка так командировка. Приказ есть приказ. А чего сразу носыто повесили? Он что, мальчик что ли? Вернется, и еще слетает, если надо будет. Был же уже, ничего. Дождались. Да и время было другое – не забывайте. Тогда все только начиналось и потеря с нашей стороны было больше, и спецназа там еще в помине не было. А сейчас... Тем более цель операции скорее всего разведка... Правильно, Валер?

– Это военная тайна, Анатолий Васильевич, – улыбнулся Валерий.

– Вот! Молодец! Боец! – похвалил тесть и переключился вниманием на свою жену. – А у тебя чего рожа такая?

– Да ну вас с этой вашей службой, – вспыхнула теща. Ее можно было понять – промотавшись всю молодость за мужем по гарнизонам да городам она устала от походной жизни и не желала такой же своей единственной дочери. Она встала из-за стола и стала собирать посуду.

– Да что ты?! – вскипел на этот раз отец. Перед молодыми разворачивалась картина семейной разборки – как знать, быть может годы спустя и их ждала бы подобная участь. –

Как квартиры да машины не получать она ничего, согласная?! А как поработать за них да послужить за родину-матушку, так ну вас... Ишь ты!

Теща только махнула рукой. Однако сейчас Валерия больше занимало состояния ее дочери. Аргументы отца показались Яне более убедительными – она посмотрела на Валерия с одобрением, вот только в глазах блестели слезы.

– Надо так надо, – спокойно сказала она и что было сил нежно обняла молодого мужа. – Ты только возвращайся скорее. А я буду ждать тебя.

Валерий был счастлив и тоже едва не заплакал, но вовремя остановился – мужчинам плакать не положено. Отец увидел их трогательную сцену и потянул Валеру за рукав:

– Ну-ка, пойдем.

– Куда, Анатолий Васильевич?

– Как куда? За бутылкой! Надо такое дело обмыть. А вы, слышь, бабы, там давайте... курицу вытаскивать пора...

Дальше все было как всегда. «Служи хорошо», слезы, проводы. Как будто не опытного, хоть и молодого, боевого офицера, а юнца в часть отправляют. В общем, наверное, было в этом нечто традиционное и даже трогательное. Сложно сказать, почему у русского народа однотипные ритуалы вызывают всегда первозданную радость – да и у других народов, собственно, так же. Это как спектакль по хорошей классической пьесе – вроде и видел много раз, и пьесу читал, и знаешь, чем кончится, а все равно смотришь. Наверное, оттого, что переживаемые в такие минуты положительные эмоции настолько сильны, что хочется пережить их снова и снова...

Такси приехало в 4.30 утра – как и заказывали. Яна еще спала, когда он неслышно закрыл за собой дверь их квартиры. Постояв недолго в подъезде и отогнав от себя дурные мысли, свойственные ему, как и любому в такой ситуации, лейтенант спустился вниз. Спустя час Валерий уже сидел в автобусе вместе с бойцами – он должен был везти их в аэропорт подмосковного города Жуковский. Лейтенант оглядел свой боевой расчет. Все ребята, несмотря на свою молодость, были уже опытными солдатами. Все знали как надлежит действовать в боевых условиях, все имели государственные награды и опыт ведения войны в ДРА.

Слава Узванцев. 4 боевых вылета. Сам в прошлом летчик, самый опытный и старший из всех присутствующих, сам лично повел горящий самолет на противника, успев вовремя катапультироваться. Чудом избежал плена в окрестностях Кабула лет 5 назад, вернулся весь раненый, но ввиду этих ранений боевую авиацию пришлось оставить. Перешел в спецназ, где его боевой опыт был на вес золота.

Сергей Царев. Парень молодой, вместе с Колей Козловым совсем недавно закончили они срочную службу и решили продолжить свое служение Родине в элитном спецподразделении.

Володя Пехтин. Службу начал во внутренних войсках МВД, потом перешел в спецназ. Служил поначалу без охоты, а потом приунылся. Перспектива возвращаться на гражданку и служить в милиции совсем его не привлекала. Для него командировка была первой, потому, покидая базу, Савонин наказал остальным смотреть за ним особо внимательно.

Ахмед Ценаев. Чеченец по национальности, очень умный и образованный, друг Валерия. Вместе они были в Баграме и первый раз, 4 года назад. Вместе они сейчас. Плечо и поддержка друга – то, что, пожалуй, незаменимо на войне. Да и в миру тоже. Они оба это хорошо знали.

К назначенному Князевым времени все экипировались и без лишних слов разместились в автобусе, который за считанные минуты домчал их до Жуковского – расстояние между двумя городами было смехотворное. Когда группа в полном составе стояла на ВПП у трапа, начало вставать солнце. Командир объявил:

– Полетим с комфортом, но соблюдая маскировку. Для полета выбран не истребитель и не пассажирский самолет, а самолет – фотограф АН – 30Б, рассчитанный ровно на семь мест – нас шестеро и фотограф. Такие самолеты чаще всего используются для съемок местности и появляются в окрестностях Баграма очень часто, поэтому особого внимания моджахедов мы привлечь не должны. Приземление в Баграме, остальные инструкции получите по прилету. Вопросы? По местам.

Когда поднялись по трапу на борт, самый молодой – Коля Козлов – припал к стеклу, заняв удобное и комфортное место у иллюминатора. Он любил смотреть в окно во время полетов. Высота манила его, как, наверное, любого молодого человека его возраста. Вот самолет набирает скорость, разгоняясь по ВПП и кажется она уже превращается в длинную и тонкую струну серого цвета. Вот – блаженный момент – отрывается от земли и устремляется ввысь, набирая высоту и размывая черты наземных объектов, словно перенося экипаж в другую реальность, в другую действительность. И кажется, что никакого приземления и никакой боевой задачи и не будет – так спокойно и надежно на крыльях этого большого воздушного монстра...

Летели долго – часов 8. И если в Подмоскowie, откуда они вылетали, стояла почти еще зима, то по мере полета пришлось переодеваться в летнюю униформу – там, куда они летели, было +30 в тени. Бойцы и сами почувствовали это, стоило борту пересечь границу Таджикистана. В самолете стало душно, солнце, пробиваясь сквозь немногочисленные окна, уже заполнило весь борт и сделало воздух спертым. Дышать было тяжело. Правда, и лететь оставалось недолго.

– Товарищ лейтенант, – обратился Пехтин. – Долго нам еще?

– Утомился, никак?

– Да есть немножко.

– Сейчас узнаем.

Савонин прошел в кабину пилота.

– Ну что там у нас?

– Панжерское ущелье, товарищ лейтенант. Минут через 30—40 будет Баграм.

Савонин выглянул из кабины пилота вниз. Открывшаяся его взору красота напомнила ему о первой боевой командировке. Он здесь уже был... Знакомые скалы ущелья, серые с синим отливом, пробудили в нем добрые воспоминания о боевых товарищах, в том числе и погибших, и первых годах войны... Кое-где высоко в горах лежал снег... Уже очень скоро нога бойца ступит на знакомую ему почву, и ему вновь придется забыть мирную гражданскую жизнь, исполняя свой воинский долг...

– Расслабься, Пехтин, скоро прилетим.

– А по мне бы еще лететь да лететь. Люблю находиться в воздухе, – отозвался Козлов.

Савонин улыбнулся. Совсем еще юный Коля, почти не нюхавший пороха, как будто сердцем чувствует опасность – не хочет вниз. Устами младенца глаголет истина. Командир опустился в кресло.

Последняя мысль, на которой себя поймал Валерий Савонин – это необходимость этой войны. Конечно, о любой войне можно смело сказать, что она не нужна и ни к чему хорошему не приведет, но его занимала пока война его собственная. Читая пацифистскую литературу в школе и университете, он и подумать не мог, что эти идеи придут ему в голову сейчас, когда он, боевой офицер спецназа ГРУ, совершает вылет в район боевых действий. Но все было неслучайно – война коснулась его самого. Тогда, когда он только начал жизнь, и жизнь сравнительно неплохую, он вдруг почему-то должен ставить ее под потенциальный удар этой войны, ведомой, как верно подмечал Ромен Роллан, одними промышленниками против других в угоду собственному карману. Валерий смотрел на бойцов и понимал – у каждого в голове сейчас одни и те же мысли, только озвучить их они не решаются – военные люди

как-никак. Почему, собственно, она вообще началась, подумал Савонин? Почему, п какому праву наша страна вообще вторглась в Среднюю Азию и пошла дальше – на Афганистан? Ведь все это началось задолго до сегодняшнего дня, еще во времена Гражданской...

Это была и впрямь последняя мысль – за ней последовал удар. Пассажиры этого видеть не могли, но в эту самую минуту боевик с гранатометом в руках выстрелил по самолету из узкой пещеры Панжерского ущелья, отстрелив один из двигателей – он выстрелил бы точнее, если бы не мешавший обзору кусок скалы. И уж тогда, попади он в борт, выжить никому бы не посчастливилось...

После удара самолет сильно качнуло и накренило. Савонин понял, что к чему и закричал:

– Все за борт!

Ахмед пулей рванулся к люку, распахнул его, и бойцы один за другим выпрыгнули вниз. Каждый из них был оснащен парашютом – такой расклад тоже рассматривался командованием. Это позволило смягчить посадку. Летчик катапультироваться не успел – самолет пролетал в опасной близости к ущелью, накренило так, что прыгать было некуда – разобьешься о скалу. Потому командир оставался со своим судном до конца – как и подобает командиру... Спустя долю секунды после того, как Савонин последним выпрыгнул за борт, самолет резко поменял курс, принял влево и ударился носом в большой скол каменного грота.⁴

Посадка бойцов тоже не была особо мягкой – внизу были скалы ущелья, и все получили легкие травмы при соприкосновении с ними. Удары пришлось по незащищенным головам спецназовцев – шлемов в экипировке не было, отчего все они потеряли сознание...

Савонин пришел в себя, когда его стали поливать водой.

– Вставайте, товарищ лейтенант, Вы как? – Коля Козлов слегка сбрызгивал его водой из походной фляжки.

– Я нормально, как остальные? – голова болела, но сознание и память о произошедшем к Савонину вернулись быстро. Он поднялся, опершись на руку, и осмотрел бойцов – все потихоньку начали приходить в себя, потерь, по счастью, не было. Спустя минуту все уже стояли строем рядом со скалой, о которую только что благополучно ударились.

Очнувшись и придя в себя, Ахмед и Валерий отправились вглубь ущелья – посмотреть, что стало с самолетом. Метрах в ста от места падения они обнаружили обломки самолета – фотографа.

– Что будем делать, командир? – спросил Ахмед. – Надо пилота найти.

– Нам до Баграма еще километров 10. Кто его понесет? Доберемся до места, оттуда вышлем патруль. Не думаю, чтобы моджахедов интересовало безжизненное тело...

– Что ж, прав наверное.

Ахмед огляделся вокруг себя. Пейзаж, который открывался его взгляду, показался ему странным. Командир же ничего подозрительного не заметил, судя по тому, что быстрым шагом отправился в сторону группы, которая стояла уже, выстроившись вдоль скалы.

– Слушай мою команду, – отчетливым голосом чеканил Савонин. – Движемся в район Баграма, где получаем от командования дальнейшие распоряжения. Шагом марш.

– Подожди, – стоило им отойти от места, окликнул его Ахмед.

⁴ 11 марта 1985 года зафиксирована боевая потеря Ан-30Б 1-й эскадрильи 50-го ОСАП (Кабул), командир экипажа – капитан А. С. Горбачевский, второй пилот старший лейтенант В. А. Иванов. Подбит моджахедами из ПЗРК южнее Панджшерского ущелья, попадание в левый двигатель. Капитан Горбачевский попытался спасти машину и осуществить аварийную посадку на аэродром, в ходе которой начавший гореть самолёт упал на землю и разбился. Погибли оба пилота, четыре члена экипажа спаслись, покинув самолёт на парашютах перед заходом на посадку. Лётчики за проявленное мужество награждены орденами (посмертно). // Михаил Жирохов. Опасное небо Афганистана. Опыт боевого применения советской авиации в локальной войне, 1979—1989. – Москва, Центрполиграф, 2012. – ISBN 978—5—227—03863—0.

– Что такое?

– Посмотри, – боевой товарищ привлек внимание командира к скале, о которую они ударились. Она была странного рыжего цвета, вся в песке.

– Что это?

– Не знаю. Это не Панжерское ущелье, там ни песка, ни такого цвета скал нет. И ты знаешь об этом.

– И что ты хочешь сказать? Мы по курсу летели над ущельем!

– Но это не оно... – шепотом говорил Ахмед.

Савонин замешкался.

– Не может быть. Может, просто край какой-нибудь.

– Хорошо. Откуда здесь столько песка?

Савонин посмотрел под ноги, потом окинул взглядом горизонт. Кругом был один сплошной песок. Палило солнце – впечатление создавалось, будто они в африканской пустыне. Командир взял себя в руки. Хотя и ему все увиденное казалось странным – такие пейзажи несвойственны были Афганистану, – все же боевую задачу надо было выполнять.

– Ты что мне хочешь сказать? Что это не Афганистан? А что тогда? Я был в кабине пилотов за две минуты до падения – мы летели над Панжерским ущельем. Это даже не по картам и не приборам, а своими глазами из кабины можно было увидеть.

– А ты мне хочешь сказать, что это Панжерское ущелье? – Ахмед начал горячиться, в нем заговорила южная кровь. Оба спорщика вновь окинули скалу взглядом – она не была похожа на то, что они видели во время предыдущего вылета.

– И где мы, по-твоему?

– Не знаю, – пожал плечами Ахмед. – Может, в Таджикистане. Может, с курса сбились.

– Ладно, – резюмировал командир. – Пойдем в направлении Баграма, если никуда не придем, сориентируемся на месте. До ближайшего города, а там свяжемся с командованием.

Полтора часа ходу по песчаной пустыне заронили сомнения в душу всех бойцов, кто хоть раз бывал в ДРА. Озвучить их пока никто не решился, но в сознании самого Савонина укрепилась мысль – «Не знаю, где мы, но точно не в Афганистане».

Песчаная пустыня раскинулась справа и слева от ребят, окружила их спереди и сзади. Солнце палило как сумасшедшее, отливая и отсвечивая от золотистого металла песка, и оттого жгло, казалось, со всех сторон – было куда жарче тридцати, хотя погодные сводки такой жары в месте прибытия не обещали – командир справился об этом при вылете.

Когда у Коли Козлова кончилась вода во фляжке, он обратился к командиру:

– Товарищ лейтенант? – Савонин невольно дрогнул. Он боялся неудобного вопроса.

– Слушаю?

– Разрешите...

– Что у тебя?

– А мы точно в Панжерском ущелье?

– Я был в кабине пилота перед падением. Точно.

– Что-то не похоже... В Афганистане – мы проходили в учебке – климат совсем другой. Нету там таких пустынь, а тем более в Панжере.

– Я, что, по-твоему, первый вылет совершаю? Видел своими глазами.

– Но это не...

– Выполнять приказ, боец!

Савонин старался быть деликатным с бойцами, но сейчас резкость – единственное, что могло спасти положение. Ему было не до разговоров. Если они не долетели до Баграма, то задачу можно считать не выполненной, что ему как командиру боевого расчета не прибавит очков в глазах командования.

Наконец они дошли до гряды барханов, возле которых увидели несколько всадников на верблюдах. Они были не вооружены, а потому командир решил, что можно подойти к ним и поинтересоваться местоположением, чтобы осуществить рекогносцировку. На всякий случай он все же приказал двум бойцам держать оружие наготове.

– Добрый день! – крикнул он. Оба всадника переглянулись – видимо, не знали русского. – Скажите, это какой город?

Вопрос был наверное неуместен – городом здесь и не пахло, но движение пошло – его респонденты хоть и не знали русского, но позвали кого-то, кто, видимо, русский знал. На их малопонятный крик из-за барханов выскочили еще несколько всадников с ружьями и приблизились к Савонину. Стоявшие чуть поодаль бойцы лейтенанта приготовились к огню.

– Извините, это какой город?

– Там Каган, а там – Фергана, – показал рукой один из вооруженных всадников.

– Твою мать, – выругался Савонин, и жестом подозвал Ахмеда.

– Что такое?

– Мы в Узбекистане.

– Нормально... А эти что? – он кивнул на всадников и спросил уже у них: – А вы почему с оружием?

– Так война, – хитро прищурился их собеседник.

– Какая война?

– Как – какая? Там – красные, а в Бухаре эмир. Вот воюем.

– А как тебя зовут?

Тот расхохотался в голос.

– Вы что, с луны свалились? Я – Мадамин-бек, самый знатный курбаши в этих местах. Вся Фергана подчиняется мне.

– Так Фергана вроде Советской власти уж лет 60 как подчиняется...

– Сколько?! Ахахахаха! – собеседник их хохотал без умолку, из чего бойцы сделали вывод, что он, должно быть, сошел с ума. – Вы большие шутники! Фергана стала Советской две недели назад и, если хотите, знать, если бы не я, ничего бы у вашего Фрунзе не вышло.

– У кого?! – услышав фамилию легендарного советского военачальника, Ахмед убедился в ненормальности этого Мадамина. Савонин остановил их дискуссию, видя, что узбек начинает нервничать.

– Ладно, что ближе – Каган или Фергана?

– Каган 5 верст, Фергана – 20.

– Отведи нас в Каган.

– А кто вы такие?

– Мы – бойцы спецназа ГРУ.

– Из белых, что ли? – он схватился за ружье. Козлов – за автомат. Перестрелка могла начаться в любую минуту. Савонин читал, что где-то в глубине сибирской тайги время от времени находят каких-то отшельников, ушедших от мира еще во время Гражданской войны и потому живущих в мире собственном, пребывающих совершенно не в курсе новостей. Как знать, может эти чабаны тоже давно затворничают, и не знают, что Советская власть давно победила, а Гражданская война – кончилась? Командир вскинул руку вверх.

– Нет, мы ищем солдат Фрунзе, идем им на подмогу.

– Так бы и сказали. Идите за мной.

Нетрудно догадаться, что идти им предстояло еще 5 километров. Во время похода Савонин вступил в диалог с Мадамином.

– И как дела в Бухаре?

– А что в Бухаре? В Бухаре эмир, которого мы с товарищем Фрунзе никак не можем свалить. Как знать, может и вы посланы Лениным и Аллахом действительно нам в помощь, и мы сможем наконец его одолеть.

– Ты сказал, что Фергана целиком твоя... Как же так?

– А так – товарищ Фрунзе разрешил мне пока собирать там дань. За то я и перешел на его сторону. Эмир брал с меня налоги, а товарищ Фрунзе совсем ничего не берет.

– Так Фрунзе – еще не вся советская власть...

– Не смеши меня, путник. Сильнее Фрунзе один Аллах! – Мадамин воздел палец к небу. «На сумасшедшего он не похож, – решил Савонин. – Видимо, и впрямь затворник».

Спустя пару часов ходу на горизонте начали показываться хижинки и осколки городской стены, разрушенной еще Османами.

– Что это? – спросил Савонин у своего провожатого.

– Как что? Каган...

Лейтенанта бросило в жар. То, что он видел, было далеко от самого захудалого узбекского города. Когда они подошли ближе, в жар бросило всех остальных. Несколько полуразрушенных хижин, вымощенные желтым кирпичом дороги, пасущийся в зарослях какого-то сухостоя скот, дальше по пути – восточный базар. И главное – нигде ни машин, ни столбов ЛЭП, ни магазинов, ни детских садов, ни школ, ничего... Ничего, что свидетельствовало бы о том, что здесь живут люди.

Козлов остановил какую-то старуху, несшую на голове поднос с сухофруктами:

– Это что за город?

Она посмотрела на него как на идиота.

– Каган.

– Товарищ лейтенант, – окликнул он. – Похоже, не только наш Сусанин с ума сошел, но и все здесь. Это какая-то деревушка, а они говорят, что Каган. У меня тетка в Кагане живет, я там был сто раз. Это близко даже не Каган.

– Вижу.

– Надо срочно связаться с командованием!

– Как?

– По телефону.

– Ты видишь здесь телефоны?

– Я нет, но...

– Тогда молчи. Сейчас он приведет нас в какой-нибудь административный центр, там и решим. Не может быть, чтобы они все были сумасшедшие.

Спустя десять минут ходу подошел караван к большому дворцу – бывший дом эмира занимало, как оказалось, ныне командование расквартированных здесь частей РККА. Стоило бойцам приблизиться к этому зданию, как у Савонина сложилось впечатление, что он и вся его группа находится на съемках какого-то исторического фильма – кругом ходили красноармейцы со штыкножами и ружьями через плечо, облаченные в традиционную форму с красными стягами и буденновки, подозрительно глядя на новых гостей. Один из солдат подошел к Мадамину, тот шепнул ему что-то, после чего красноармеец убежал.

Возле здания был арык. Утомившиеся бойцы лейтенанта Савонина стали пить из него. Умывшись, Валерий начал раздумывать о том, что будет, если они и правда... да нет, этого не может быть.

Минуту спустя на пороге дворца появился человек – по мере его приближения и распознавания его черт конечности Валерия стали холодеть. Он видел этого человека только на картинках. Высокий, почти двухметровый, рослый сибиряк в форме красноармейца, с пышными усами и шевелюрой – он был похож на медведя. Слишком русское лицо в этих

диких краях, подумал Козлов. Вплотную приблизившись к Савонину, он протянул ему руку. Худшие опасения командира группы подтвердились...

– Фрунзе, – отчеканил он.

«Господи, – подумал Валерий. – Одного я не пойму: почему именно мы и почему именно сюда?..» В таких переделках выдавшему виды лейтенанту бывать еще не случилось – отличный повод пофилософствовать.

Михаил Васильевич Фрунзе

Глава третья – о том, что играть всегда нужно по правилам

Пока бойцы под руководством человека, назвавшего себя Фрунзе, поднимались по лестнице дома эмира, в голове командира боевого подразделения усиленно прокручивалась школьная и университетская программа истории. Он старался вспомнить какие-нибудь детали из биографии Фрунзе и одновременно придумать легенду – объяснение их появления в Кагане в 1920 году. Если это и была чья-то игра, то нужно было принимать ее правила и строго следовать им – иначе все могло закончиться очень плохо. Хотя в глубине души он все еще надеялся на розыгрыш. Ну или сон, что ли.

– Ахмед? – шепотом спросил Узванцев.

– Чего?

– Что же это такое?

– Сам видишь.

– Ты хочешь сказать, что это – Фрунзе? Михаил Васильевич?

– Ничего я не хочу сказать...

– Кино снимают, – вмешался в разговор Пехтин.

– А где операторы тогда?

– Хм... Логично.

Шедший рядом красноармеец с ружьем подозрительно смотрел на непонятно откуда взявшихся и странно экипированных своих товарищей из будущего, что заставило их прекратить разговор.

Наконец дошли до кабинета командующего.

– Ну что ж, давайте еще раз знакомиться. Моя фамилия Фрунзе, Михаил Васильевич, я командующий Туркестанским фронтом.

– Савонин Валерий Сергеевич... – лейтенант протянул руку хозяину кабинета. – Командир боевого расчета отряда специального назначения...

– С фронта что ль?

– Так точно, – подумав и на ходу сочиняя легенду начал командир. – После декрета Временного правительства место сражения оставили. Пришли сюда. Против Советской власти не сражались, к действующей армии не примыкали, – он отвечал четко, по-военному чеканя слова, что заставило Фрунзе присмотреться к нему.

– Боевой опыт имеете?

– Так точно, товарищ командующий. Значительный.

– Это хорошо. А почему в РККА не записались?

Савонин только пожал плечами:

– Здесь слабо доносилась информация о ходе Гражданской войны. Не имели точных данных о том, куда и к кому обращаться по этому вопросу...

– При оружии?

– Так точно, с фронта осталось.

Фрунзе окинул взглядом их экипировку.

– Чудное какое-то оружие у Вас.

– Трофейное, – выпалил Ахмед.

– Ну славно. Значит, вступаете в РККА и будете сражаться за Советскую власть?

– Так точно.

– Это хорошо. Ну бумаги вы после заполните, а пока послушайте, что нам предстоит сделать...

– Что он несет? – шепотом спросил Узванцев у Пехтина. Тот пожал плечами:

– По ходу, совсем заигрался. Или крыша поехала.

– Что, простите? – обратился на них внимание Фрунзе.

– Ничего, продолжайте, Михаил Васильевич, – Савонин показал шепчущимся кулак – как воспитатель в детском саду.

– Так вот товарищи. Перед нами стоит боевая задача по завладению Бухарой. Первую попытку мы предприняли еще в начале войны, два года назад. Тогда совместно с подразделениями младобухарцев мы нанесли удар по эмирату, но... оказались неподготовленными. Я, если честно, уже тогда говорил Троцкому о том, что делать такой бросок как минимум несвоевременно, рано. Мы увязли тогда и в Крыму, и с белочехами, и на Кавказе. И тут еще это... В общем, поторопились тогда. Сейчас мы практически закончили войну, и командование РВС прислало меня сюда, чтобы, так сказать, предпринять усилия по объединению двух наших братских народов... Ну, а если быть точным и без лирики, то для того, чтобы организовать боевую операцию.

– Вы так говорите, будто за одну операцию можно покорить такую махину как эмират?

– Ну не за одну, конечно, мы ее проработаем детально... И, полагаю, вы мне в этом поможете. А? как? Или все-таки надлежит отправить вас курьерским поездом в Москву, чтобы там с вами разобрались?

Козлов хотел было сказать что-то вроде «Да, в Москву, уж там явно разберутся, кто есть кто», но, встретив на себе жесткий взгляд командира, промолчал.

– Конечно, поможем. Мадамин-бек изложил нам примерную картину перехода на вашу сторону, из чего стало понятно, что другой альтернативы тут быть не может. Да и сами мы, честно говоря, давно склонялись к переходу... Случая, как говорится, подходящего не было...

– Вот и замечательно. Считайте, что он подвернулся.

– Меня только беспокоит численность войск. То, что мы увидели в Кагане, явно недостаточно для того, чтобы установить контроль на всей Бухарой.

– Части подоспеют из других подразделений Туркестанского фронта – в том числе с Кыргызстана, из числа киргиз-кайсаков. Пока мы должны посеять внутри врага строгое убеждение в том, о чем вы сказали – что нас мало. Таким образом, эффект от появления дополнительных частей произведет не только боевой, но и деморализующий эффект. Как смотрите на такое?

– Положительно. Когда приступим к разработке боевой операции?

– Да хоть сейчас. Я, знаете ли, сутками тут только этим и занимаюсь.

– А когда прибывает подкрепление? Не получится ли так, что мы развернем движение, а дополнительных сил не будет?

План операции РККА в Бухаре

– Подкрепление прибывает послезавтра. Но до этого мы должны еще раз навестись к эмиру.

Вид Старой Бухары

- Зачем?
- Предложить ему добровольно разместить наши части в Бухаре.
- Думаете, он согласится?
- Я так не думаю, это требование товарища Троцкого.
- Понимаю. Скажите, не известно ли от разведки, в какой части Бухары дислоцируется наибольшее количество регулярной армии эмирата?
- Известно, в Старой Бухаре, – Фрунзе подошел к карте и стал показывать на ней карандашом. Туда же подошел Савонин.
- Значит, начнем выступление со стороны Кагана в светлое время суток под дымовой завесой.
- Фрунзе округлил глаза:

– Что это значит?

– В Старой Бухаре иницируем несколько крупных пожаров. Пока город и расквартированные там части охватит переполох, все будут заняты на тушении, мы выступим со стороны Кагана ограниченным контингентом... ограниченной численностью, то есть. В это время мы должны убедиться в том, что полностью контролируем железную дорогу, поскольку полагаю уместным прибытие дополнительных частей сразу в Бухару именно по железной дороге.

– Отлично! – глаза Фрунзе заблестели. – А почему Вы хотите начать в светлое время суток? Мои советники предлагали выступить ночью.

– Ночью в Бухаре, насколько мне известно, – Савонин вспомнил старые фильмы, что смотрел еще в детстве, – осуществляется дозор. Ночью, как правило, происходят все масштабные наступления, а потому под покровом темноты регулярные части будет проще поднять по тревоге. Да и басмачи ночью тут чувствуют себя как рыба в воде. А моим ребятам будет трудно сориентироваться – ночи здесь темные и холодные, местности мы не знаем, зимней экипировки не имеем. Потому ведение боевых действий в темное время суток исключается.

Фрунзе согласно кивнул – у Савонина было явно больше опыта войны, несмотря на юный возраст. Советский военачальник еще не знал, что спустя годы всем желающим начнут давать военное образование в вузе, названном его именем – этот вуз, по иронии судьбы, окончил Савонин прежде, чем его направили на службу в ГРУ.

– Завтра, с Вашего позволения, – продолжал лейтенант Советской Армии, – я вместе с Вами поеду в Бухару, чтобы на месте изучить особенности местности, рельеф, проблемные места будущего расположения наших войск и ведения боев.

– Да, да, конечно.

– А сейчас нам с ребятами отдохнуть бы.

Фрунзе расположил их на первом этаже дома эмира. Наскоро перекусив, ребята вышли во дворе и уселись вокруг арыка.

– Валерий Сергеевич, почему Вы не связались через него с нашим командованием? – негодовал Козлов.

– С каким командованием? С Ивашутиным? Ему в 1920 году 6 лет было!

– Да Вы что? Вы правда верите, что этот сумасшедший – Фрунзе?

– Я в это не верю. А у тебя какие предположения, позволь осведомиться?

– Ну... Я не знаю... Может быть...

– Может быть, в глубине Панжерского ущелья засела группа сумасшедших, которые занимаются историческими постановками...

Ирония судьбы состоит в том, что много лет спустя сын Савонина будет принимать участие в исторических реконструкциях – детальных сценических восстановлениях исторических событий и битв. Пока о них никто здесь не слышал...

– Я не это имел в виду...

– А что? Что ты имел в виду?

– Вы сказали, что мы примем участие в штурме Бухары...

– Пойми простую вещь. Я толком не знаю, куда и как мы попали. И если это игра, то надо принять навязываемые нам правила. Очень может статься, что эти странные люди, которые, если ты заметил, вооружены до зубов, могут обидеться, если ты станешь вести себя с ними неподобающим образом, и прикончить тебя раньше, чем мы выйдем на связь с Центром.

– А про пожар это ты специально сказал? – лукаво улыбнулся Ахмед.

– Почему?

– Ты ведь знаешь, что при наступлении РККА в сентябре 1920 года Бухару охватил сильнейший пожар? Хочешь принять в нем участие? Мальчики кровавые по ночам сниться не будут?

Валерий улыбнулся.

– Я же уже говорил про правила игры. Или принять или плыть против течения. А что касается исторических событий – чему быть, того не миновать. Тут уж как говорил Сенека, «судьба покорных ведет, непокорных тащит».

– А я считаю по-другому.

– И как же ты считаешь?

– Что, если есть возможность повлиять на историю, надо повлиять!

Савонин вскочил, оттащил товарища подальше от всех.

– Ты думай, что говоришь-то!

– А что? – недоумевал Ахмед.

– А то, что эти ребята плевать хотели на эту войну и на интересы верхушки Политбюро. Из них пушечное мясо делают, непонятно зачем, а ты еще масла в огонь подливаешь. И ты сам прекрасно ведь знаешь, что война эта никому не нужна. Можешь, говоришь, повлиять на историю? Так вперед, влияй. Доберемся до Баграма, а там – хоть в Пакистан, хоть в Иран.

– Да ты чего, я не...

– Думай, что говоришь.

Вернувшись к группе, Савонин скомандовал:

– Значит так. Слушай мою команду. В разведывательных целях приказываю всем сосредоточиться по городу. Проводить ориентирование на местности, вступать в контакты с местным населением по вопросу наведения справок – что за город, где идет война, каково соотношение противоборствующих сторон, какой год...

– Товарищ лейтенант...

– Отставить! Я разговариваю с Фрунзе. Всем прибыть в распоряжение не позднее 20 часов местного времени. Разойдись.

Отдав команду и убедившись, что бойцы, хоть и с немалым недоумением, но стали все же ее выполнять, он вновь поднялся в кабинет главнокомандующего.

– Разрешите, Михаил Васильевич?

– А, товарищ Савонин, заходите пожалуйста.

– Я по вопросу вступления в РККА. Сами понимаете, бойцов надо убедить. Не приказывать, а именно убедить. Решение-то они приняли, да вот потом не пожалели бы. А как мне убедить, когда я и сам толком ничего не знаю...

– Логично. Так что же Вы хотите узнать?

– Как там, в Москве?

Фрунзе улыбнулся

– В Москве как в Москве. Как в столице. Если Вас интересует расстановка сил на фронте, то с уверенностью могу сказать – кое-где вооруженные столкновения еще продолжаются, но в целом перевес на нашей стороне. Можно сказать, исход Гражданской войны предрешен.

– И Вы считаете, что власть большевиков – это всерьез и надолго?

– Товарищ Савонин, если бы с Вами были в Москве, Вас давно препроводили бы под белы ручки прямоком к товарищу Дзержинскому за такие слова...

– К Феликсу?

– Эдмундовичу. Поймите простую вещь – это власть народа, власть рабочих и крестьян. Тот самый идеал, о котором писали Маркс и Энгельс, Герцен и Чернышевский, Плеханов и Ленин, наконец. Народ веками ждал этой демократии – и получил ее наконец. Как думаете, захочет он ее отдать? Сами знаете, власть если берут, то уже не отдают.

– Это верно, вот только приведет ли народ самого себя к светлому будущему?

– А кто же, как на сам народ может еще разрешить его судьбу? Царь? Бог? Помещик?

Увольте.

– Хватит ли опыта? Ума? Терпения?

Фрунзе задумался. Савонин задавал ему вопросы откровенно – с первой минуты знакомства военачальник показался ему именно таким, каким его изображали во всех учебниках: рассудительным, взвешенным, спокойным. Таким он и был – один из немногих порядочных и здравомыслящих людей в верхушке большевистской власти. Потому, видимо, надолго его и не хватило.

– Слишком сложные вопросы Вы задаете, товарищ Савонин. Ответить на них может, пожалуй, только время. А время делаем мы. Вы-то сами как хотите? Хотите для себя будущего, где только от Вашей воли и Вашего решения все зависит?

– Конечно, – улыбнулся Валерий.

Выводы, к которым он пришел по итогам общения с Фрунзе, были неутешительными – он был либо великим актером, просто Станиславским – но кому нужно устраивать все это представление в песках Узбекистана? – или они на самом деле оказались в 1920 году. И хотя поверить в это было практически невозможно, с этим, по всей видимости, предстояло смириться. И ладно бы смириться самому – надо было еще уговорить товарищей принять это за данность.

Несколько комнат на первом этаже дома беглого эмира были соединены в одну и там были установлены полаты – сделано нечто вроде импровизированной казармы, опустошенной по случаю прибытия группы Савонина. Валерий прилег на жесткую лежанку с мыслями о том, какие слова лучше подобрать, чтобы объяснить ребятам все происходящее (чего он и сам до конца не понимал). Ответа на этот вопрос он не нашел – усталость сморила его, предательски толкнув в объятия Морфея.

Глава четвертая – о том, как важна дипломатия на войне

Бойцы группы Савонина вернулись в расположение поздно – командир уже спал, – а потому доложить о неутешительных итогах прогулки в город не успели. Хотя ему, наверное, их доклад был уже и не нужен; он и так понимал действительное положение вещей. Утром, проснувшись по просьбе адъютанта Фрунзе, который ждал его для выезда в Бухару на переговоры с эмиром, Савонин не стал будить бойцов – если все так, как он думал, им еще понадобятся силы. Пусть отдыхают, решил он, и вышел к арыку.

Вдвоем с командующим Туркестанским фронтом они вскочили на коней и двинулись в сопровождении небольшого отряда охраны в сторону Бухары. Солнце вставало и начинало палить. Температуры здесь в это время года достигали 60 градусов по Цельсию. Учитывая ограниченность в водоснабжении такая температура делала любые процессы жизнедеятельности – включая боевые операции – очень проблемными.

– А что там Вам говорил Мадамин? – спросил Фрунзе, когда они вышли на железную дорогу – несколько километров до Бухары удобнее было проехать по ней, потому что лошади вязли в песках и порядком уставали, не верблюды все-таки.

– Говорил, что принял Вашу сторону в обмен на какие-то экономические преференции.

– Хм, да, есть такое. Видите ли, несмотря на наличие у эмира самостоятельной армии, регулярной, она вся сосредоточена в Старой Бухаре и будет в случае чего охранять эмира. Для контроля над остальными территориями на протяжении всего времени существования эмирата были введены бекства – ну вроде у нас губерний при царе. Беки облагали народ данью, так называемым зиккятом, за счет этого жили, и держали в руках военную, административную и экономическую власть в стране, удобно разделенной на такие вот территориальные единицы. В 1918 году, после колесовского похода⁵, когда инфраструктура эмирата затрещала по швам, бекства разбежались – на смену им сразу пришли басмачи.

– А кто они такие?

– Крупные землевладельцы и скотники. Беки, не будучи в состоянии давать отпор регулярным частям Красной Армии, которые поддерживали национально-освободительные восстания Ходжаева⁶ и младобухарцев, предпочли оставить власть. Тогда на арену вышли басмачи. Обладая финансовыми ресурсами, они быстро вооружились, собрали вокруг себя огромное количество крепких и зажиточных крестьян, вооружили их, и стали представлять нам оппозицию. Эмир сделал хитрый ход – как раньше бекам, он разрешил басмачам, или моджахедам, как они себя называют... – в сознании Савонина вдруг словно ножом резануло. Он знал, что басмачи не любят называть себя так, потому что «басма» в переводе с узбекского значит набег, но очередная близость, даже ментальная, с моджахедами, с которыми он не раз встречался в Афгане, не доставила ему радости... – кормиться с территорий, которые они обороняли от нас в его интересах.

– А вы?

– А что мы? Что мы можем? Политика Советской власти не предполагает такого рода кормления, при ней сам народ должен избирать власть и направлять ее деятельность по приоритетам. Конечно, это невыгодно зажиточным крестьянам – ведь по законам Советской России, все их земли будут национализированы и перераспределены между всем населением

⁵ Неудачная попытка захвата власти в эмирате большевиками и младобухарцами в марте 1918 года // Куц И. Ф. Годы в седле// М.: «Воениздат», 1964. – 152 с. (Военные мемуары) / Литературная редакция О. М. Иванова

⁶ Узбекский коммунист, партийный и государственный деятель. Расстрелян в 1938 году.

бекства. Таким образом, мы оказались как бы в ловушке – армия эмира, поддерживаемая английскими колонизаторами из Афганистана и Ирана с одной стороны, и местное население в лице басмачей с другой. Вот нам и пришлось начать переманивать последних на свою сторону – где-то обманом, где-то временным разрешением собирать дань с земель. Так или иначе, другого пути нет – эмир идет на переговоры очень туго, и я не был бы сторонником и сегодняшней встречи, если бы не настойчивая позиция Троцкого. Так или иначе, Мадмин – один из крупнейших и сильнейших басмачей. Без него мы никогда не получили бы контроль над Ферганой, а без нее вообще не нарастили бы здесь военного присутствия...

Савонин с удовольствием слушал Фрунзе – грамотность и постановка речи выдавали в нем военного теоретика. Все-таки не зря его признали одним из крупнейших тактиков всех времен и народов...

Тем временем они приближались к Бухаре. Высокие красивые стены города выдавали в нем старинную крепость, построенную несколько веков назад еще Османами. Это тебе не Каган, подумал Савонин, и даже не Фергана – настоящая цитадель, взять которую с наскока будет очень трудно.

Ворота крепости отворились, на пороге показался небольшой отряд армии эмирата – несколько бородачей, одетых в красивую, наподобие турецкой, серую военную форму с серебристыми знаками отличия и с тюрбанами на головах. Остановившись перед Фрунзе, начальник кордона попросил у него документы. Тот протянул мандат. Изучив его, солдат с ятаганом на боку изрек по-узбекски:

– Lord Frunze Savonina borish mumkin. Xavfsizlik, menga ergashinglar, men sizlarni ko'rasiz... bu erda qolish kerak...⁷

Фрунзе, немного понимавший узбекский язык, поднял руку и кивнул командиру отряда охраны – тот спешил и остался возле ворот. Путники пошли за провожатым.

То, что открылось за крепостными стенами взгляду Валерия, поразило его. Не было и следа того убожества, что увидели они в Кагане. Красивые дома, похожие на дворцы, узкие мощеные улочки, крытые базары. Красивый средневековый белокаменный город, взять который с его переулками и тупиками – дело, посильное, пожалуй, только спецназу ГРУ. В центре его возвышалась высокая смотровая башня, которую увидеть можно было с любого конца города – Валерию показалось, что он оказался в сказке 1001 ночи.

Когда они подошли к роскошному дворцу эмира, расположенному в центре города и имевшему вид классического трехэтажного замка, какие в Москве имели Морозовы и Рябушинские, словно знамение случилось – с близлежащей мечети громко заголосил моэдзин. «Аллаху акбар!» – послышалось и озарило всю округу. Воцарилась тишина, слышно было только как переливается вода в арыке во дворе дома правителя.

С рук на руки передал солдат из пограничного кордона путников охране замка. Предельно вежливый, облаченный в одежду янычара охранник проводил путников в прохладную комнату для переговоров, предложил воды и чая, а сам отправился за эмиром.

Несколько минут спустя в комнату вошел и сам правитель здешних мест – высокий, толстый, одутловатый бородач в роскошном расписном халате синего цвета с золотыми вставками. Фрунзе знал его славную биографию – последний эмир обучался в Санкт-Петербурге, получил наградное оружие и титул Высочество из рук самого государя императора, а взойдя на престол, стал бороться со взятками и поборами. Сейчас он окружал себя военными специалистами Императорской Армии, предоставлял убежище белым офицерам и генералам, в то же время сохраняя нейтралитет в отношении Советской Власти – Фрунзе прекрасно понимал, что, опираясь на басмачей и зная о продолжении Гражданской войны в России, он спокойно мог его нарушить и выбить РККА из Туркестана, но не делал этого,

⁷ – Господа Фрунзе и Савонин могут ехать. Охрана должна остаться здесь... Следуйте за мной, я провожу Вас... (узб.)

соблюдя принятые на себя договорные обязательства перед Советами. Войдя, он приветливо поклонился гостям:

– Мар хабат!

Они ответили ему поклонами.

Эмир Бухары Сейид Алим-хан

– Я с самуль-амир⁸, мы посланы Советским правительством и военным командованием, чтобы поблагодарить Вас за нейтралитет, который Вы сохраняете по отношению к нашей республике... – Он снова поклонился, Фрунзе продолжал: – И одновременно вручить Вам ультиматум.

Глаза эмира округлились:

– Ультиматум?

– Видите ли, наши враги с Ближнего Востока не бездействуют. Обстановка накаляется час от часу, и мы не можем сохранять без изменения ныне существующий баланс сил в Туркестане. Советское правительство предлагает вам ввести на территории эмирата валютное обращение рубля, разрешить присутствие на территории Бухары регулярных частей Красной Армии, а также обеспечить вхождение дружественно настроенных Советской власти младобухарцев в состав правительства...

Эмир принял из рук Фрунзе текст ультиматума и быстро проглядел его.

– Вы предлагаете нам ввести у себя в оборот Вашу валюту... Таким образом выбить из-под нас экономическую самостоятельность...

– Почему? Регулятор цен останется в Ваших руках, Вы по-прежнему будете вольны в их определении, просто пересчитаете курс и цены будете диктовать в наших рублях, а не в своих теньгах. В любом случае вам это будет выгоднее – рубль дороже теньги. Разве нет? Разве не так с вами рассчитываются покупатели?

– Так-то оно так, но в таком случае и уровень жизни населения упадет. Вы верно подметили – рубль дороже теньги, а значит, то, что вчера можно было купить на 5 теньга, завтра будет продаваться за рубль. Как увеличить в таком случае доход населения? Ресурсов у нас от этого больше не станет...

Фрунзе опустил голову. Эмир был прав.

⁸ Уважительное обращение к эмиру.

– А что Вы скажете относительно размещения на территории эмирата регулярных частей РККА?

– Таким образом, по-моему, проще сдать сразу. Мне эмигрировать, а население отдать вам на откуп.

– Опять же чересчур категоричное утверждение. Здесь ведь будут присутствовать и ваши войска. Нам же эмират нужен как анклав, оплот для утверждения своих позиций в Средней Азии – из Афганистана и Пакистана, находящихся под контролем наших врагов – Англии – не исключен приток помощи контрреволюционным движениям. Укрепив свои позиции в Бухаре, мы тем самым пресечем их подрывную деятельность.

– Разрушив наши дипломатические и торговые отношения с английскими колониями? И тем самым окончательно лишив нас собственной экономики, сделав зависимыми от вас! Если не ошибаюсь, ваш же Карл Маркс писал о том, что экономика является основой жизни общества, а все остальное – закон, армия – всего лишь надстройки над ней. Без своей валюты, в состоянии экономической блокады о какой силе, о какой государственности можно говорить? Мы превратим страну в марионетку Советов, и не будем иметь права даже головы поднять, потому что она махом будет или отсечена или нам будет указано на место, которое мы занимаем в иерархии Советской России. Тем более сегодня вы рассматриваете Бухару как оплот в борьбе с вашими врагами – англичанами, а завтра, когда борьба эта прекратится, просто присоедините наши территории к своим и дело с концом...

Фрунзе заиграл желваками.

– Уверяю Вас, я с самуль-амир, что Россия заинтересована в суверенитете и независимости Бухары...⁹ – Поймав на себе скептический взгляд собеседника, Фрунзе решил дать ему возможность выговориться окончательно: – А что же Вы ничего не скажете о нашем последнем требовании?

– Вы говорите о включении в состав правительства ваших представителей? Оно, как раз, пугает меня меньше всего остального. У нас шариат, и потому власть эмира практически ничем не ограничивается, кроме Божьего Закона, Корана. Это значит, что, стоит правительству принять какой-либо противный моей воле курс, оно тут же будет распущено в полном соответствии с законами. Восстание Ходжаева, Колесовский поход, выступления младобухарцев – яркие тому примеры. Со внутренней оппозицией мы справимся, даже несмотря на присутствие здесь Красной Армии – у Ленина есть власть, но все же он не Бог, а власть эмира – от Бога. Народ не даст вам насадить свою власть окончательно, но вот подорвать независимость государства вы сумеете, если я приму Ваши требования.

– И каким же образом от этого пострадаете Вы?

– Вы, верно, шутите, господин Фрунзе. Я не пострадаю никаким образом, хотя бы потому, что здесь у людей другие взгляды на жизнь, чем в России. Это там убили царя, а здесь человек скорее зарежет свою жену и мать, чем поднимет руку на Богом избранного эмира. Сломать эти представления о мире вам, может быть, и удастся, но на это уйдут десятки лет – ни меня, ни моих детей уже не будет в живых к этому моменту. Я опасюсь совершенно не этого. Помимо того, что Аллах, наделяя меня властью, дал мне существенные преимущества, Он также возложил на меня и ответственность за мой народ. Завтра его – а не моя – жизнь превратится в кошмар. Виноваты будете вы, но ведь руки у вас будут развязаны с моей подачи. Это я открою потенциальному врагу ворота в Бухарский эмират. Как после этого я буду разговаривать с Господом во время намазов? Как я буду смотреть в глаза тем, отвечать за которых Он меня наказал? Вы посмотрите на свою страну и на мою. Каким образом Ленин удерживает власть в своих руках? Он лишил народ всего, даже самого необходимого.

⁹ Содержание переговоров достоверно и приводится по ряду исторических источников // См., напр., Акимбеков С. 90-летие разгрома Бухарского эмирата // <http://www.ansar.ru/history/90-letie-razgroma-buharskogo-emirata>

Нет возможности не то, чтобы зарабатывать – даже еду получать в достаточном количестве, чтобы выжить. Страхом и лишениями удерживает он свою власть, потому что понимает – то, что не от Бога, может быть отобрано в любой момент. А он слишком уже полюбил править, чтобы вот так вот запросто взять и расстаться с короной, которая никогда – за всю историю России – и ни при каких обстоятельствах не была бы возложена на его голову. Никогда и ни при каких! Да, были избранные цари, как, например, Борис Годунов. Но никогда они не повиновались воле народа и никогда об этом не твердили, даже если где-то и прислушивались к его голосу. Власть большевиков противна всем – и народу, и Богу, – а потому удерживаться может сугубо страхом или лишениями. Вы и здесь будете насаждать тот же порядок, что чревато для моего народа невыносимыми издевательствами. Предлагаете мне закрывать на это глаза? Что ж, я могу. Но на Высшем Суде как мне удастся отмолчаться? Какими индульгенциями наделит меня Совнарком, чтобы Аллах проявил ко мне свою милость?

– Но ведь мы предоставляем Вам возможность сохранить власть в Бухаре. Вы же сами всегда говорили, что эмир без Родины – ничтожество, а нищий, живущий на Родине – настоящий эмир. Вы же понимаете, что в случае начала вооруженного противостояния, Вам в лучшем случае предложено будет покинуть территорию эмирата?

– Понимаю, но Вы сами вслушайтесь в эти мои слова. Разве то, что Вы мне сейчас предлагаете, есть моя Родина в классическом понимании? Есть моя земля, править которой наказал мне Аллах? Это будет уже другой мир и совершенно другая страна, в которой я не найду себе места. И пусть я потеряю корону эмира, но останусь верным рабом Аллаха и последователем Его пути – во всяком случае, умирать буду с чистой совестью. Я помню, что мирская жизнь – всего лишь игра и потеха, а в Последней Жизни нам предстоит держать ответ за то, что мы здесь совершили. Вы подбиваете меня совершить явно предосудительный поступок. Простите, но я не могу выполнить Ваших требований.

Всю обратную дорогу путники ехали молча – жара достигла уже почти семидесяти градусов, и к разговорам не располагала. В действительности же каждый думал о своем. Фрунзе злился – его, военачальника, обязали вести переговоры, что получалось у него скверно, да и вообще изначально сама затея была провальная. А Савонин обдумывал слова эмира о том, что Советская власть держится только на страхе да лишениях. Он заметил поразительную закономерность в его словах – они были актуальны и спустя 60 лет после их произнесения.

Один же вывод теперь миновать было нельзя – они действительно оказались в Бухаре накануне свержения эмира, и теперь ему и всей его группе предстояло волей-неволей принять в этом участие.

Глава пятая – о том, что спецназ – это сила!

Утро следующего дня началось с обсуждения плана военной операции по занятию Старой Бухары. Слово держал комфронта Фрунзе.

– Итак, нам необходимо рассредоточить войска по трем основным направлениям. Первый – Шахрисабз и Кетаб. Здесь проходит крупнейшая артерия Старой Бухары – железнодорожная. Части Туркестанского фронта придут к нам по железной дороге, а потому контроль над ней мы должны получить обязательно. В это самое время мы должны отвлечь внимание регулярных частей эмира, стянутых им в Старой Бухаре. Как это сделать – вот вопрос? Ведь, если не предпринять для этого ничего, очень скоро они окажутся в Шахрисабзе и отрежут нам путь к железной дороге...

– Как я и говорил, дымовая завеса, – командным голосом ответил лейтенант Савонин командарму Фрунзе.

– Что Вы имеете в виду?

– Иницилируем там пожар.

– Но как? Для этого потребуется горючее. Мы сами стен крепости не можем преодолеть, а тут еще такие тюки за собой тащить! Как Вы себе это представляете?

– Где находятся места наименьшего укрепления ворот?

– По данным разведки, к югу.

– Значит, в то время, как основные наши силы начнут атаку городских ворот, мы с нашей группой преодолеем южное ограждение и окажемся в городе. Пожар мы организуем за счет зажигательного коктейля.

– Чего?! – военный стратег взглянул на Савонина удивленными глазами. Он еще не слышал о коктейлях Молотова – впервые они начнут применяться в советско-финской войне, до которой еще 20 лет.

– Трофейное оружие. Захватили у немцев. Оно, вообще-то, еще со времен Наполеона применяется, – Савонин не солгал, иное дело, что в сражениях, в которых участвовала русская армия случаев его использования пока не было.

– Но как вы будете пробираться по городу? Вас же моментально обнаружат и ликвидируют.

– Придумаем что-нибудь... – хитро прищурился Савонин. – Вы мне скажите лучше, что с эмиром делать?

– Хороший вопрос, товарищ Савонин. Это действительно важно. Если он уйдет в Афганистан и объединится там с силами Исмаил-бека, нам не поздоровится. Надо пресечь его передвижения. Для этого, чтобы исключить его отступление, мы выставим несколько кораблей из нашей Туркестанской флотилии в устье Амударьи, которая омывает город с одной стороны. Прямая дорога туда только рекой – причем до восточного края, где ему придется ступить на землю и так пересекать границу. Пока пограничники подконтрольны эмиру – нам останется только преследовать его в случае бегства. Значит, товарищ Савонин, коль скоро Ваша группа будет дислоцироваться в черте Старой Бухары, Вам и поручается предотвратить его выезд за пределы крепости.

– Когда начинаем штурм?

– Выходим сегодня ночью, штурмуем с утра. Вам хватит времени подготовиться?

Савонин кивнул. Бой предстоял трудный – он еще никогда не воевал с давно усопшими.

К утру основные части каганского подразделения Туркфронта стояли у ворот Старой Бухары, также пребывавшей во всеоружии – после провала переговоров для эмира близость наступления также перестала быть тайной.

Основная сила частей РККА под командованием Фрунзе сосредоточилась у ворот в Старую Бухару. Там нарочито было выставлено несколько отрядов – почти целая дивизия. Это отвлекало внимание противника и заставляло его ответить таким же сосредоточением. Спецгруппа под командованием Савонина отошла к южной части стены – здесь патруля почти не было, стояло человек 5, нейтрализовать которых ребята могли бы запросто. Но как только здесь раздался бы шум – солдаты эмира ринулись бы сюда как оглашенные. Потому решили штурм начинать одновременно. Узванцев запалил несколько дымовых шашек – это привлекло внимание часового. Тот что-то начал кричать по-узбекски. Это было сигналом для Фрунзе – увидев на горизонте дым, командарм приказал открыть шквальный огонь по воротам. В ответ град пуль и гранат обрушился на головы советских военных частей. Кстати оказались выстроенные здесь ночью наскоро укрепления из камней и мешков с песком – они служили своего рода защитой от огневой атаки войск эмира. Если бы не они, красноармейцы были бы здесь как на сковородке. Открытая местность, палящее солнце – пока все было не в их пользу.

Фрунзе подумал, что если бы не группа Савонина, даже соваться в Бухару было бы преждевременно.

Пожары в Старой Бухаре во время операции. Вид с воздуха

Пока там велся огонь, а люди Савонина перелезали через городскую стену, дивизия красных под командованием товарища Белова отбила контроль над железной дорогой в Шахрисабзе. Это было сделать тактически несложно – войск там было мало, эмир больше заботился о собственной безопасности, нежели чем о коммуникациях в условиях войны. По его справедливому замечанию, басмачи должны были следить за той местностью. Но и те по неразумению особого значения железной дороге не придавали – как торговцев их больше занимали караванные пути.

Преодолев заградительный барьер, группа Савонина рассредоточилась по Старой Бухаре – маскировка позволила им это сделать относительно спокойно. У нескольких стариков в Кагане были взяты толстые халаты. И хотя в них было жарко, а тащить на себе амуницию под ними было тяжело, все же на них почти никто не обратил внимания. Узванцев, как и было договорено, остался у мечети, Козлов и Пехтин – у городского базара, Савонин еще с двумя бойцами добрался почти до дома эмира – создать тут огневую точку тоже было предусмотрено планом, это значительно бы осложнило отступление государя.

Будильник на наручных часах бойцов сработал одновременно. Регулярные части эмира сосредотачивались у городских ворот, в то время как бутылки с коктейлем Молотова полетели разом в минарет мечети, деревянные сваи базара и ворота близ дома эмира. Казалось, вся Бухара запылала одновременно.

Люди выскакивали из своих домов и бросались кто куда —одни спешили тушить пожар, другие прочь, к городским стенам. В городе была посеяна паника. Части эмира не успевая доскакать до ворот, до основного места сражения, на ходу разворачивались и бросались к мечети. Оттуда, завидев, что горит дом эмира – туда. Проезду мешало пожарище городского базара – его расположение в самом центре и погружение в огонь словно бы разрезали город на две части. Стоило более или менее значительной группе войск эмира сбиться в кучу, как люди Савонина, с саперными лопатками наперевес, не снимая халатов, бросались в самую гущу и рубили солдат. Те не успевали ничего сделать – настолько внезапным было появление обученных и подготовленных спецназовцев, и настолько точечными и профессиональными – их удары.

До самого неба взмывали вверх столбы черного дыма и языки пламени, так буйно разносящегося под влиянием сухого горячего ветра и палящего солнца. Казалось, уже весь город охвачен огнем – хотя в действительности горела лишь незначительная часть зданий в центре. Паника в городе была создана – цель действий спецназовцев можно было назвать достигнутой.

Между тем, сопротивление войск эмира у ворот не ослабевало – понимая, что отступить некуда, солдаты обрушивали на красноармейцев все более упрямый огонь. Фрунзе молчал. Все – и солдаты эмира, и красноармейцы понимали, что как только опустится ночь, ослабится видимость, а добрая половина Бухары будет превращена в пепел, части РККА войдут в город и тогда все, конец прежней жизни. Солдаты бились отчаянно, фрунзенцы берегли силы.

Савонин, сосредоточив группу у дворца эмира, приказал его штурмовать. А штурмовать ничего и не пришлось – дом был пуст. Судя по тому, что большие группы армии эмира сбежали сюда на пожар, никто не знал об отступлении государя. Быстро вскочив на плененных коней, спецназовцы поспешили к выезду из города. Доскакали они до самого дальнего его предела – где брала начало Амударья, и открывались пути отхода в Афганистан.

Как и было условлено, несколько кораблей с революционными матросами стояли на пристани. Завидев людей на конях и в халатах, матросня похваталась было за ружья да пулеметы.

- Отставить! – подняв руку вверх, скомандовал Савонин. – Мы от товарища Фрунзе.
- Чем докажешь?! – донеслось с одного из кораблей.

Вспомнив своих товарищей по ВМФ и их стиль общения, Савонин ответил:

– Век воли не видать!

Подействовало.

– Где эмир?

– А хрен его знает, где твой эмир! Не было! Не проходил мимо нас!

– А давно вы здесь?

– С утра, как приказ получили. Затемно еще пришли...

– Таак... – Савонин спешился.

– Куда же он делся, товарищ лейтенант? – спросил наивно Козлов.

– Вопрос не куда, а когда. Выходит, заранее все просчитал.

– Преследовать надо! – предложил Узванцев.

– Нет, – отрезал командир. – Наша цель не эмир, а Бухара. Возвращаемся в город, надо встречать наших.

Все произошло, как и рассчитывали бойцы Фрунзе – с наступлением темноты люди Савонина зашли в тыл к басмачам и солдатам эмира, оборонявшим городские стены, и несколько точными очередями свалили их вниз. Подоспевшая по железной дороге помощь солдат Туркфронта не понадобилась. Ворота города открылись – в Бухару вошла новая власть и принесла с собой большие перемены...

Уже позже разведка донесла, что эмир с гаремом и небольшим отрядом охраны покинул город ночью, предшествовавшей наступлению. Приди они чуть раньше,.. но история не знает сослагательного наклонения. Эмира надо было догнать во что бы то ни стало!

Москва, в это же время

Ленин нервно ходил по кабинету взад-вперед.

– Что Вы так волнуетесь, Владимир Ильич? – успокаивал его Троцкий. – Фрунзе опытейший командарм, он точно знает, что и в какой последовательности ему делать.

– Это верно, Лев Давидович, но не забывайте, сколь малые силы имеются в его распоряжении! А если эмир запросит помощи от афганских курбаши? От Ибрагим-бека?

Троцкий отвел глаза – неподготовленность операции была его недоработкой, но он предпочел молчать об этом и надеяться на лучшее.

Секретарь Ленина постучал в дверь. Хозяин кабинета вздрогнул – он наказал штабу Фрунзе докладывать о ходе операции как можно чаще. Это, наверняка, было сообщение с Туркфронта.

– Телеграмма от Фрунзе, Владимир Ильич.

– Читайте немедленно.

– «Крепость Старая Бухара взята сегодня штурмом соединенными усилиями красных бухарских и наших частей. Пал последний оплот бухарского мракобесия и черносотенства. Над Регистаном победно развевается красное знамя мировой революции».¹⁰

– Поздравляю Вас, Владимир Ильич!

– Меня-то что? Вы Фрунзе поздравьте. Что ж, теперь для нас там открывается новая задача. Коль скоро крепостью мы овладели, а на месте есть джадиды и младобухарцы, которые поддерживают политику большевиков и могут запросто организовать власть там, необходимость в присутствии там Фрунзе отпадает. У нас Крым полыхает, товарищ Троцкий, такой военачальник там куда важнее и нужнее.

– А туда кого отправим? По-моему, доверять управление целиком и полностью одним только младобухарцам рановато, натворят дел. Не забывайте, там сильно басмачество,

¹⁰ М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны: Сборник документов. М., 1941, с. 330.

и даже несмотря на отсутствие необходимости тактических операций, военное присутствие наше там еще нужно.

– Согласен. Но с другой стороны руководить войсками на месте должен человек, хорошо знакомый с обстановкой... Помните, Вы мне говорили про этого, как его... Энвер-пашу, кажется?

Человек, о котором говорил Ленин, был настоящей легендой. Этот турецкий офицер родился в 1881 году в Турции. Вскоре после начала службы он стал одним из лидеров партии «Младотурок». В июне 1908 года среди офицеров османской армии распространилось известие о подписании в Ревеле соглашения между Николаем II и английским королём Эдуардом VII о реформах в Македонии. Оно вызвало эффект разорвавшейся бомбы, так как офицеры в Македонии рассматривали его как предлог к разделу Османской империи. 3 июля в македонском городе Ресен произошло восстание под руководством майора Ахмеда Ниязи-бея. 6 июля к восстанию присоединился Энвер. В течение нескольких дней отряд Энвера вырос до нескольких тысяч человек. 10 июля 1908 года на митинге, после трехкратного залпа орудий, Энвер провозгласил восстановление конституции в Османской империи. После этого началось братание мусульман с христианами. Энергичные действия и успех Энвера сделали его необычайно популярным. Он стал титуловаться Героем свободы, его даже сравнивали с Наполеоном I. Революционная эйфория и внезапно свалившаяся известность породили в Энвере веру в свою «особую судьбу» и «божественное предназначение».¹¹

После победы революции и восстановления конституции 1876 года Энвер отправился с дипломатической миссией в Берлин. В 1909 году он был назначен военным атташе в Берлине и пробыл там ещё два года. Время, проведенное в Германии, сделало Энвера убежденным германофилом. Особенно его восхищала немецкая армия: её дисциплинированность, уровень подготовки и вооружение».

Энвер-паша

Поражение Османской империи в ходе Итало-турецкой войны 1911—1912 годов привело к падению популярности младотурок. В июле 1912 году в стране произошел переворот, который возглавила партия «Хюрриет ве итиляф» («Свобода и согласие»). Её представители встали во главе правительства, а в августе был распущен меджлис (парламент), в котором доминировали младотурки¹².

В январе 1913 года Энвер осуществил государственный переворот, приведший к свержению правительства Кямиля-паши. После переворота установил военную диктатуру «трех пашей» – вместе с Талаат-пашой и Джемаль-пашой образовал неофициальный триумвират,

¹¹ Вдовиченко Д. И. Энвер-паша // Вопросы истории. 1997. №8. С. 44.

¹² История Востока: в 6 т. – М.: Восточная литература, 2005. Т. 4. Кн. 2. С. 328.

фактически захвативший всю власть в Турции. Занявший пост военного министра Энвер продвигал идеологию пантюркизма и панисламизма. Был сторонником искоренения христианского населения (в частности, армян и ливанцев) на территории Османской империи.

В 1914 году Энвер выступил за военный союз Турции с Германией и содействовал вовлечению Турции в Первую мировую войну. Во время войны занимал высший военный пост заместителя главнокомандующего (главнокомандующим формально числился султан).

В 1914—1917 годах большевики (в полном соответствии с лозунгом «Поражения своего правительства в войне») негласно поддерживали пантюркистский политический проект «Туран Йолу» (Дорога в Туран). Оный проект курировали военные преступники Энвер-паша, Талаат-паша, Назым-бей и Ахмед Агаев. Конечной целью пантюркистов было убедить тюркоязычное население Кавказа, Ирана, Крыма, Поволжья и Туркестана отделиться от России или Ирана – и присоединиться к новой мега-державе «Туран». Одним из живых препятствий к реализации данного проекта оказался армянский народ.

Энвер-паша вместе с Талаат-пашой и Джемаль-пашой был одним из главных организаторов геноцида армян, геноцида греков и геноцида ассирийцев в Османской империи во время Первой мировой войны.¹³

После подписания Турцией Мудросского перемирия в 1918 году Энвер вместе с Талаат-пашой и Джемаль-пашой бежал в Германию на немецкой подводной лодке, где жил под псевдонимом Али-бей. В его отсутствие послевоенный трибунал в Стамбуле судил Энвера и заочно приговорил его к смертной казни.

В 1919 году Энвер встретился в Германии с коммунистом Карлом Радеком, представляющим Советскую Россию. Он решил вступить в прямой, официальный контакт с российскими большевиками и использовать каналы связей между немецкими военными кругами и большевиками, с целью организовать и возглавить в Средней Азии борьбу против Великобритании.

В начале 1920 года Энвер-паша прибыл со своими сподвижниками-пантюркистами в Москву. Большевики в то время поддерживали обе ведущие турецкие партии: Националистическую Мустафы Кемала и Юнионистскую Энвер-паши, боровшиеся за власть в стране. Энвер базировался в Москве, работая в Обществе Единства Революции с Исламом. Въезд в Турцию ему был запрещен Великим Турецким Национальным собранием, выпустившим приказ от 12 марта 1921 года. Запрет был наложен на Энвер-пашу и Халил-пашу за «возможное ухудшение внутренней политики в стране и внешних отношений правительства Анкары».

¹³ Гасанова Э. Ю., «Идеология буржуазного национализма в Турции» // Баку, изд. АН АзССР, 1966 г.; Козубский К. Э., «Под копытом» // Общеказачья газета «Станица», Москва, №2 (26), декабрь 1998 г.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.